

партіи; на одной сторонѣ 50 голосовъ и на другой 50. Если при такихъ условіяхъ не явится хотя-бы одинъ кибитковладѣлецъ, то въ другой партіи число голосовъ будетъ больше, и та сторона назначитъ по большинству голосовъ обонхъ приходящихся на ауль пятидесятниковъ изъ своей среды. Старшину и кандидата побѣдители назначаютъ также изъ своей среды и т. д. Словомъ, тѣ 49 кибитокъ останутся побѣжденными во всѣхъ вопросахъ, обсуждавшихся на аульномъ съѣздѣ.

Такимъ порядкомъ производятся выборы по всѣмъ ауламъ волости, и въ результатъ побѣжденный конкурентъ окажется побѣжденнымъ вмѣстѣ съ своими сторонниками во всѣхъ аулахъ, а если и возьметъ верхъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, то все равно, у него останется не болѣе 5—6 сочувствующихъ ему пятидесятниковъ, которые на волостномъ съѣздѣ будутъ меньшинствомъ и проиграютъ дѣло, большинство же въ угоду своему хозяину и въ отместку противникамъ не дастъ никому изъ ихъ среды никакой должности; побѣдившая партія остается у власти цѣлое трехлѣтіе.

Самъ по себѣ волостной управитель, какъ понимаютъ киргизы, есть не болѣе какъ низшій административно-полицейскій чиновникъ. Но должность эта стоитъ выше другихъ должностей въ волости потому, что всѣ избранныя власти; начиная отъ пятидесятниковъ и кончая бѣями, много обязаны своему волостному управителю, который былъ главнымъ виновникомъ ихъ собственнаго избранія. Онъ подкупилъ народъ, который по его указанію назначилъ пятидесятниковъ во всѣхъ аулахъ, а пятидесятники избрали по его же указанію судей. Черезъ посредство своихъ пятидесятниковъ волостной управитель произвольно рѣшаетъ на волостныхъ съѣздахъ споры о землѣ, о раскладкѣ податей и проч.; черезъ бѣевъ своихъ онъ постановляетъ пристрастныя рѣшенія, черезъ старшинъ же производитъ излишніе поборы.

Словомъ, всѣ должностныя лица—изъ его партіи, и большинство отправляютъ службу не по совѣсти, а по указаніямъ волостного.

Хазретъ Султанъ

(Ходжа Ахмадъ Ясави, Султанъ Арефинъ, туркестанскій мистикъ и святой XII столѣтія).

Ни одно литературное имя не пользуется у туземцевъ Сыръ дарьинской области такимъ уваженіемъ, какъ имя «Святого султана», Ходжи Ахмада Ясави, которому принадлежитъ сборникъ стихотвореній, извѣстный подъ названіемъ «Хикматъ» (мудрость). Другой прославленный учеными ориенталистами выдающійся религиозный поэтъ, писавшій по тюркски, именно Миръ Али Ширъ (Наван) имѣетъ въ глазахъ нашихъ туземцевъ несравненно меньшее значеніе; его стихотворенія распеваются на свадьбахъ, тогда какъ чтеніе «Хикмата» Султана Арефина есть дѣло душеспасительное и составляетъ неотъемлемую часть зикра (радѣнія) мистиковъ «джагрія», весьма въ нашемъ край многочисленныхъ. Выраженія мусульманской гагіографіи въ родѣ «царь святыхъ, Хазретъ Султанъ Ходжа Ахмадъ, путеводная звѣзда всей казачкой степи, солнце всего Туркестана, наполняющій своимъ свѣтомъ города и степи, вождь всѣхъ тюрковъ»,—не преувеличены. Кочевники тюркского племени, киргизы и даже туркмены, живущіе далеко за предѣлами собственно Туркестанскаго края, чтятъ Ходжу Ахмада, и имя его служило для нѣкоторыхъ тюркскихъ родовъ во времена ихъ дикой независимости «ураномъ», или боевымъ кличемъ (Аристовъ, «Замѣтки объ этническомъ составѣ тюркскихъ племенъ и народностей и свѣдѣнія объ ихъ численности», стр. 380—385 и 122). Хотя исламъ еще сильнѣе, нежели другія міровыя религіи, отрицаетъ значеніе національнаго начала, однако у народностей, еще не вполне проникшихся духомъ ислама, какими киргизы остаются доселѣ, чувство національнаго самосознанія еще живо. Могила Ходжи Ахмада въ эпоху русскаго завоеванія была важнѣйшей туземной святыней въ сѣверной части Туркестанскаго края, и самый городъ Туркестанъ, въ которомъ она находится,

нерѣдко назывался именемъ святого, — Азретъ; взятіе его русскими такъ-же живо затронуло религиозное чувство туземцевъ, какъ позже взятіе Самарканда, и для возвращенія обоихъ этихъ городовъ изъ рукъ невѣрныхъ мусульманами предпринимались особые походы.

Біографическія свѣдѣнія о Ходжѣ Ахмадѣ Ясави весьма скудны. По происхожденію онъ былъ тюркъ; извѣстный святой и юродивый Дивана-и-Машрабъ, любившій производить эффектъ остроумными и по большей части неприличными выходками противъ официального ханжества благовоспитанныхъ мусульманъ, явившійся въ Туркестанъ, взобрался на гробницу Святого султана, и когда святой сбросилъ его съ себя, влѣзъ на гробницу снова, сказавъ при этомъ: «Эй, тюркъ, держи меня, потому что я гость». Біографія Ходжи Ахмада Ясави, помѣщенная въ книгѣ خزينة الاصفیا (томъ I, стр. 561), называетъ его вождемъ всѣхъ тюркскихъ шейховъ.

Ходжа Ахмадъ Ясави жилъ и дѣйствовалъ еще въ тѣ времена, когда часть кочевыхъ тюркскихъ племенъ въ Семирѣчьи и Кипчакѣ коснѣла въ язычествѣ или исповѣдывала христіанство несторианской секты. Но исламъ уже пустилъ корни среди кочевниковъ Туркестанскаго края; на примѣрѣ тюркь-сельджуковъ и золотоордынскихъ татаръ мы видимъ, какими могучими распространителями ислама являлись среди своихъ кочевыхъ сородичей знатные люди, поддавшіеся влиянію мусульманской культуры. Ходжа Ахмадъ былъ человекъ знатный; это видно изъ постоянно придаваемого ему титула Султанъ, Хазретъ Султанъ, или сокращенно Хасъ Султанъ. Въ настоящее время почетнымъ титуломъ султанъ пользуются среди киргизъ-казаковъ потомки владѣтельныхъ лицъ, преимущественно изъ дома Чингиза.

Въ заголовкѣ сочиненія Ходжи Ахмада обыкновенно ставится и его генеалогія: сынъ Ибрагима, сына Махмуда, сына Ифтихара. Всѣ имена мусульманскія; послѣднее малоупотребительно. Это обстоятельство, а также титулъ ходжи, постоянно придаваемый къ имени туркестан-

скаго святого, позволяютъ думать, что Святой султанъ принадлежалъ къ знатному тюркскому роду, уже давно исповѣдывавшему мусульманство и даже породнившемуся съ какой-либо арабской фамиліей — разумѣется изъ числа поселившихся въ Средней Азіи послѣ покоренія ея власти халифовъ.

До вѣльзя краткая біографія Ходжи Ахмада, помѣщенная въ цитированномъ нами двухтомномъ сборникѣ жизнеописаній знаменитѣйшихъ святыхъ всего мусульманскаго міра («Хазинатъ-уль-асфія») гласитъ, что «мѣстомъ рожденія святого было селеніе Ясы (قصبه يسي) въ области Туркестана». Оттого къ имени Ходжи Ахмада часто прибавляется эпитетъ Ясави, — изъ Ясы, ясскій. Тамъ-же, будто-бы, находится и его могила (ibidem 532). Такъ какъ намъ извѣстно, что могила Хазретъ Султана находится въ городѣ Туркестанѣ, то изъ этого слѣдуетъ, что названіе Ясы носило пригородное мѣстечко или даже самая цитадель Туркестана (слово قصبه можетъ означать также и крѣпость). Тамъ святой, вѣроятно, и провелъ свое дѣтство. Въ стихотвореніи 18 (я считаю по третьему казанскому изданію; въ ташкентскихъ изданіяхъ счета стихотвореніямъ не ведется) Святой султанъ говоритъ слѣдующее:

«Какъ Іосифа отдѣлили отъ родной земли, отъ того Ханаана, такъ и я (отлучился) изъ родной земли моей, отъ благословеннаго Туркестана».

Годъ рожденія Ходжи Ахмада Ясави и число лѣтъ его жизни неизвѣстны; самъ онъ во второмъ стихотвореніи влагаетъ въ уста пророку Мухаммеду слѣдующія слова по своему адресу:

«Появившись (на свѣтъ) черезъ 400 лѣтъ (послѣ меня), будь послѣдователемъ моимъ.

«Много лѣтъ ходи (въ мірѣ) и указывай народу (правый) путь».

Если принять эти слова за точное автобіографическое указаніе, то Ходжа Ахмадъ родился около 400 года хиджры, т. е. около 1010 года по Р. Х. Но это не вѣроятно, такъ какъ по точному указанію хронограммъ¹⁾ смерть Султана Арефина

¹⁾ احمد ولي جتبي «Ахмадъ правитель рая» и «نیر نور الهی» «сіяющій свѣтъ Господъ».

падаетъ на 562 годъ хиджры (28 октября 1166—17 октября 1167 года). Если принимать слова Султана Арефина не за поэтическую вольность, то выходитъ, что святой жилъ болѣе полутора ста лѣтъ.

Впрочемъ у Бекчурина въ статьѣ его «Описание мечети Азрета» годомъ смерти Ходжи Ахмада Ясави показанъ 514 (2 апрѣля 1120—22 марта 1121 года). То же повторяетъ и Howarth (History of the mongols, II, 681). Откуда взята эта дата, мнѣ неизвѣстно.

Прожилъ Хазретъ Султанъ по крайней мѣрѣ 6½ десятковъ лѣтъ. Въ седьмомъ стихотвореніи Ходжа Ахмадъ, изложившій въ предшествовавшихъ стихотвореніяхъ всю свою жизнь съ точки зрѣнія убѣжденнаго суфія, говоритъ, что въ возрастѣ 63 лѣтъ онъ въ память о Мустафѣ (название пророка Мухаммеда), который скончался въ этомъ именно воз-

растѣ, «сошелъ подъ землю» и провелъ въ постѣ и чтеніи Корана 60 дней и 60 ночей.

По словамъ книги «Тазкиратъ-и аулія», во время Ходжи Ахмада Ясави царствовалъ Хорезмъ-шахъ, а намѣстникомъ его (ولی) былъ Гоиръ-ханъ (غایر خان).

Мы не можемъ принять и этого извѣстія (профессоръ В. В. Бартольдъ, «Мусульманскія династіи», 149—150). Хорезмшахи овладѣли среднимъ теченіемъ Сыръ-дарьи только въ началѣ XIII столѣтія (профессоръ В. В. Бартольдъ, «Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія», стр. 382—383). Гоиръ-ханъ или Каиръ-ханъ, какъ его называетъ В. В. Бартольдъ, былъ намѣстникомъ Оtrarа въ 1218 году, т. е. въ эпоху монгольскаго нашествія (В. В. Бартольдъ «Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія», 428; Cahun, L'introduction à l'histoire de l'Asie, 274).

По всей вѣроятности, авторъ упомянутаго сочиненія сблизилъ эти два имени,—туркестанскаго святого и извѣстнаго въ исторіи намѣстника Хоразмшаха въ Оtrarѣ,—на удачу,—главнымъ образомъ по недостатку дѣйствительныхъ историческихъ свѣдѣній о Ходжѣ Ахмадѣ Ясави. Не принимая уча-

стия въ политической дѣятельности²⁾, посвятивъ себя всецѣло дѣламъ благочестія и руководству учениковъ на пути мистическаго совершенства, Хазретъ Султанъ могъ однако отзываться на современныя ему политическія событія. Средняя Азія переживала тяжелыя времена. Монархія огузовъ разрушилась, и съ востока надвигалось тунгусское племя кара-китаевъ; въ 1137 году они разбили при Ходжентѣ владѣтеля Мавераннагра Масудъ-хана, а въ 1141 году въ Катванской степи, къ сѣверу отъ Самарканда, между Каменнымъ мостомъ и Яны-курганомъ, нанесли поражение войскамъ сельджукскаго султана Санджара³⁾ и овладѣли всѣмъ Туркестанскимъ краемъ. Первые кара-китайскіе гуръ-ханы правили справедливо, не позволяя своимъ войскамъ грабить завоеванные города, хотя прелюбодѣвіе, т. е. нарушение семейнаго права мѣстнаго населенія не наказывалось.

Кара-китай не были мусульманами. Мусульманскіе писатели называютъ перваго гуръ-хана манихеемъ, а нѣкоторые ученые считаютъ его даже христианиномъ. Вскорѣ послѣ смерти Ходжи Ахмада Ясави, при несторіанскомъ патріархѣ Ильѣ III (1176—1190 годы), для Кашгара и южнаго Семирѣчья была основана особая несторіанская митрополія. Древнѣйшія несторіанскія могилы токмакскаго и пишпекскаго кладбищъ относятся къ эпохѣ кара-китаевъ⁴⁾.

Какъ бы то ни было, исламъ при кара-китаехъ утратилъ свое положеніе господствующей религіи и долженъ былъ довольствоваться равноправностью съ прочими

²⁾ Ср. В. В. Бартольдъ («Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія» т. 1, глава 2, стр. 404)—«Какъ основатель школы (шейхъ Юсуфъ Хамадани), такъ и его послѣдователи (къ которымъ принадлежалъ и Ахмадъ Ясави) рѣдко упоминаются въ историческихъ сочиненіяхъ, и несомнѣнно имѣли большое вліяніе на населеніе».

³⁾ В. В. Бартольдъ «Очеркъ исторіи Семирѣчья», въ памятной книжкѣ Семирѣченскаго областного статистическаго комитета на 1898 годъ (стр. 104).

⁴⁾ Ibidem, стр. 107. Тогс-же автора «Извѣстія о несторіанцахъ въ Туркестанѣ въ домонгольскій періодъ», Записки Восточнаго отдѣленія Императорскаго русскаго археологическаго общества, VIII, 26—29.

культами. Быть может, этимъ объясняется замѣчательная вѣротерпимость самого Ходжи Ахмада Ясави. Въ первомъ стихотвореніи его мы находимъ слѣдующія благородныя слова.

Преданіе отъ пророка (суннать) таково: Если будетъ (предъ тобой) и невѣрный, не дѣлай обиды ему.

Отъ сердца жестокаго, отъ души, склонной къ обидамъ, отвращается Господь.

Ей, Истинный Боже! Такому рабу уготованъ на преисподняя ада.

Вотъ, я сказалъ это слово, слышавъ отъ мудрыхъ его.

Но не все мусульмане, разумѣется, имѣли такой возвышенный взглядъ. Господствъ «невѣрныхъ» (кафиръ) оскорбляло ихъ религіозное чувство, а высокоуміе посланцевъ гуръ-хана вызывало у вассальныхъ владѣтелей ненависть противъ кара-китайскаго владычества⁵⁾. Возможно, что нѣкоторые изъ могущественныхъ кара-китайскихъ вельможъ, особенно при частомъ въ ту эпоху регентствѣ и управленіи жевчанъ, притѣсняли народъ; надъ полагать, что къ этому относятся намски на жестокость правителей,—намски, которые мы находимъ въ 10 и 27 стихотвореніяхъ Ходжи Ахмада Ясави.

Стихотвореніе 10.

Допустимъ, что на сторонѣ жестокихъ сила. А противъ насъ — (еще наши) грѣхи.

Если горганъ дervашей осквернена,—молитва ихъ до Бога не дойдетъ.

По этой причинѣ и можетъ мучить насъ царь.

Я говорю это на основаніи писанія и преданія.

Если жестокой станетъ мучить тебя, обращай къ Богу.

Воздѣвъ руки твои, молитву твори и сложи шею твою.

И сѣлуй (тогда лишь), если Истинный Богъ воплю твоему не вонметъ.

Вотъ какія слова я слышалъ отъ Вѣчной Истины:

5) Ibidem.

* *

«Если жестокой жестокости станетъ творить,—плачь предо Мною.

«Со слезами молись Мнѣ и перевяжи поясницу твою⁶⁾».

«Отъ запретнаго и сомнительнаго⁷⁾ отрекись и прижги сердце твое.

«Вотъ, для жестокихъ сто тысячъ бѣдъ Я уготовалъ.»

* *

«Зачѣмъ сближаться съ жестокими? Я есмь Творецъ твой.

«Не обращая взора къ Творцу твоему, забылъ ты Меня?»

«Оставивъ Меня, за мышцу жестокихъ ты ухватился?»

«Такъ вотъ, Я Самъ далъ пощущеніе жестокому (мучить тебя).»

* *

«Кара тебѣ! (Ибо) ты не умолялъ Творца твоего.

«Вставая по ночамъ, не плакалъ ты тихо со словами: о, Боже.

«Изъ хакиката (высшая степень мистическаго совершенства) сказалъ Я слова,— и ты не внималъ имъ.

«(Такъ) вотъ, Я сдѣлалъ длинной десницу жестокихъ.»

* *

«О, невѣжда! Ты не заставлялъ сердце (свое) стремиться къ Вѣчной Истинѣ.

«Миръ есть скверна, а ты не охладѣлъ къ нему сердцемъ.

«Оставивъ похоти, ты не устремился по направленію къ Богу.

«Вотъ, изъ за похотей этихъ Я огорченъ, изумленъ.»

* *

«На жестокихъ не жалуйся: самъ ты жестокъ.

«Лицемѣренъ твой нравъ, и не окажетъ вліянія на народъ слово твое.

«Мирскаго богатства я далъ тебѣ вдоволь,

6) Перевязать поясницу,—весьма частое у мистическихъ поэтовъ выраженіе,—означаетъ „бодро“, „воспрянувъ духомъ“ и т. д.

7) Мусульманамъ можетъ употреблять въ пищу не все. Нѣкоторыя вещества (напримѣръ, виво или свинина) для него запретны; другія (напримѣръ, пища, неизвѣстно кѣмъ приготовленная)—сомнительны (шубха).

но ненасытно око твое.
«А между тѣмъ скупыхъ—въ нѣдрахъ
преисподней Я помѣстилъ».

Стихотвореніе 27.

О Ты, называемый Гнѣвнымъ! Въ страхѣ
предъ гнѣвомъ Твоимъ будетъ плакать
Ходжа Ахмадъ.

О Ты, называемый Милостивымъ! На
милосердіе Твое надѣяться будетъ Ходжа
Ахмадъ.

Много грѣховъ у меня. О, Господь мой,
прости мнѣ грѣхи мои!

Изъ всѣхъ рабовъ у Тебя самый грѣшный
—Ходжа Ахмадъ.

Лицемѣры будутъ предаваться порокамъ
и влѣдѣніямъ,

Будутъ употреблять въ пищу запретное
и сомнительное, и въ страхѣ будетъ пла-
кать Ходжа Ахмадъ.

Тариката (первой ступени мистическаго
посвященія) не зналъ я; въ хакикатъ
не вступалъ я;

Повелѣній духовнаго отца моего не
исполнялъ я.

Извиненій много можно-бъ найти, Ход-
жа Ахмадъ!

Послѣднее время настало: явился же-
стокій царь.

Запретнымъ и сомнительнымъ исполнился
онъ, и въ горестное изумленіе погрузил-
ся Ходжа Ахмадъ.

Стыдно мнѣ, рабу Твоему. Я соловей на
пути (мистической) любви.

Я рабъ Арсланъ-бабу, и Твоимъ рабомъ
будетъ Ходжа Ахмадъ.

Рабъ Божій, Ходжа Ахмадъ, служи Богу
и сдѣлай плачь передъ Нимъ привычкой
своею.

И если даже настанетъ бѣда,—служи Богу:
все отъ Бога бываетъ, Ходжа Ахмадъ!

М.

ЖГУЧІЕ ВОПРОСЫ

ферганскаго хлопководства.

(Письмо изъ Ферганы).

Въ № 199 *Русскаго Туркестана* за исте-
кающій годъ въ статьѣ „Что посеешь, то
и пожнешь“ говорится слѣдующее. „При-
ближается время сбора хлопка. Хозяинъ уже
учитываетъ экономическіе итоги урожая, ко-

торые должны составить основу для слѣ-
дующей кампаніи. Въ этотъ моментъ умѣ-
стно напомнить, что при сборѣ урожая мо-
гутъ быть приняты мѣры, рассчитанныя на
повышеніе доходности въ слѣдующіе годы.
Я говорю объ отборѣ постельнаго матеріала,
на который у насъ, къ сожалѣнію, обраца-
ютъ слишкомъ мало вниманія“.

Къ сожалѣнію, почтенный авторъ совсѣмъ
не коснулся другихъ, болѣе важныхъ и на-
стоятельныхъ нуждъ ферганскаго хлопко-
водства. Сортировка сѣмянъ во всякомъ слу-
чаѣ не столь важна, а сортировка по пред-
лагаемому авторомъ способу едва ли даже
и достижима. Дѣло въ томъ, что туземцы,
собирая свой хлопокъ иногда цѣлымъ селе-
ніемъ и рассчитываясь за сборъ собраннымъ
же хлопокомъ, найдутъ для себя предлагае-
мый порядокъ невыгоднымъ. Не имѣя пере-
возочныхъ средствъ и помѣщеній для храненія
хлопка, туземецъ предпочитаетъ продать
свой хлопокъ тутъ-же на полѣ странствующимъ
скупщикамъ-арбакемамъ. Но допу-
стимъ, что къ крупному дехкану эти сооб-
раженія неприложимы. Допустимъ, что онъ
сознательно, изъ убѣжденія въ желательности
насадить свое поле и на слѣдующій
годъ своими-же сѣменами, отобралъ-бы луч-
шія коробочки. Какимъ образомъ онъ мо-
жетъ получить ихъ очищенными? Мнѣ ска-
жутъ, что онъ можетъ пріѣхать на любой
изъ заводовъ, принадлежащихъ какой-либо
изъ оперирующихъ въ краѣ фирмъ, и ад-
министрація завода охотно исполнитъ столь
почтенную просьбу. Возможно, что и испол-
нить, но отъ хозяина всетаки потребуются
расходы по повздкѣ и очисткѣ, да можетъ
случиться и такъ, что пріѣдетъ онъ на
одинъ изъ заводовъ, а заводъ въ это время
будетъ несвободенъ. То же можетъ быть и
на второмъ, и на третьемъ заводѣ, и рачи-
тельный хозяинъ, проѣздивъ нѣсколько дней,
вернется разочарованный, говоря себѣ такъ:
„Для чего я это дѣлалъ? Вѣдь родится же
у моего сосѣда хлопокъ по пяти чайриковъ
съ танапа *), а вѣдь этотъ сосѣдъ каждый
годъ покупаетъ самыя что ни есть де-
шевыя смѣшанныя сѣмена у чигитъ-фрушей
(торговцевъ сѣменами). Я же каждый годъ
беру сѣмена у лучшей фирмы, плачу въ два

*) Танапъ 1/6 десятины.

поискахъ Цесаревича оказались безрезультатны. 30 іюля въ 6 ч. 20 м. вечера на горизонтѣ показалось какое-то судно подъ парусами. Къ берегу вновь хлынула толпа, вооруженная биноклями и подзорными трубами. Ровно черезъ полчаса въ плывшемъ суднѣ былъ опознанъ „Цесаревичъ“. Толпа бросилась къ пристани, съ нетерпѣніемъ ожидая послѣдствій столь долгаго плаванія.

Наконецъ, въ 8 ч. 30 м. вечера пароходъ причалилъ къ пристани. Командиръ парохода разсказалъ намъ слѣдующее: выйдя 28 іюля изъ бакинскаго порта въ 11 ч. вечера и пройдя островъ Наргенъ, пароходъ взялъ постоянный курсъ на Красноводскъ. Ровно въ 1 ч. ночи раздался страшный взрывъ въ машинномъ отдѣленіи парохода. Среди пассажировъ случилось такая паника, что многіе попадали въ обморокъ. Не теряя ни минуты, командиръ парохода и др. члены администраціи парохода бросились къ машинному отдѣленію, гдѣ глазамъ ихъ представилась ужасная картина: на полу лежали два обваренные паромъ и безъ признаковъ жизни кочегара, а невдалекѣ съ легкими признаками жизни масленщика Петръ Жильцовъ, который черезъ четыре часа скончался. Причина взрыва, какъ оказывается, произошла отъ лопнувшей сальника магистральной паровой трубы, вслѣдствіе чего и послѣдняя сама по себѣ лопнула по шву. По уборкѣ труповъ и удаленію пара

подъ руководствомъ командира механика парохода было приступлено къ временному исправленію трубы. Не мало трудовъ пришлось на долю администраціи въ успокоеніи пассажировъ.

Въ ночь было выпущено до 20 ракетъ, дабы обратить вниманіе проходящихъ судовъ, но все было безрезультатно—на несчастье не прошло ни одно судно, и къ утру 30 іюля судно было отнесено на 72 мили отъ курса къ югу. Только лишь къ двумъ часамъ дня удалось кое-какъ исправить магистраль и развести легкіе пары. Съ этого момента пароходъ съ помощью парусовъ двинулся къ Красноводску гдѣ и были сданы въ распоряженіе о-ва трупы погибшихъ служащихъ. 29 и 30 іюля пассажиры пользовались довольствіемъ изъ буфета за счетъ о-ва.

П. Е.

Среди туземцевъ.

ТУРБАТЪ.

— Ну, сударь, поѣзжайте въ Турбатъ. Тамъ сегодня праздникъ...

— Какой? спросилъ я, сбрасывая съ себя покрывало.

— Въ Турбатѣ гробница святого Измаила-Ата, память котораго туземцы чествуютъ 5 мая.

Много народа ѣдетъ изъ Ташкента верхомъ и на арбахъ. Всѣ чайхане по дорогѣ полны богомольцами. Одинъ сартъ объяснилъ мнѣ, что сегодняшнее паломничество—родъ нашей маевки—праздникъ весны...

Я одѣлся и отправился.

Полей не узнать. Выпавшій послѣ засухи обильный дождь оживилъ природу.

Трава позеленѣла, чуть колышется, сверкая на солнцѣ дождевыми каплями.

Небо свѣтлое, чистое. Облака унеслись далеко, къ горамъ...

Когда мы выѣхали на перевалъ, передъ нами на громадное разстояніе раскинулась зеленѣющая даль холмовъ. Вѣво ярко-ярко бѣлѣли серебристыя горы Каржанъ-Тау. Внизу, навиваясь змѣей, шумѣла Кара-бау. Далѣе, изрѣдка показываясь на поверхности, спѣшила въ объятія ея полноводная рѣченка Ташъ-латъ...

Цѣлыя десятины мака багровыми пятнами выдѣлялись на яркомъ, блестящемъ, праздничномъ фонѣ... Мы спустились въ долину и перѣехали Кара-бау. Дорога пошла по холмамъ. Начались зимовки и кочевья. Лошадки идутъ бодро, фыркая и поводя ушами. Мы обгоняемъ откочевывающую киргизскую семью. Во главѣ каравана пожилая киргизка; замыкаетъ его другая, помоложе, Мушины, повиснувъ и переваливаясь жирнымъ тѣломъ въ сѣдлѣ, лѣниво плетутся сбоку, поминутно сплевывая зеленую слюну, жуютъ табакъ.

— Аманъ! Аманысисъ!

— Аманъ! отвѣчаемъ мы богомольцамъ. Кочевники въ праздничныхъ одѣянїяхъ въ бѣлыхъ чалмахъ, и мужчины и женщины верхомъ; ташкентскіе горожане и горожанки въ свѣтлыхъ лоснящихся на солнцѣ халатахъ и чадрахъ, въ крытыхъ арбахъ.

Мы подъѣзжаемъ къ Чаръ-Пулату. По сторонамъ дороги роши тополя, карагача, джеды, тутта и ветлы. Жарко. Пустивъ поводья, съ удовольствіемъ отдыхаешь подъ сѣнью благоухающей, сверкающей листвы.

Тучи воробьевъ на тополяхъ и шелковицѣ оглошаютъ воздухъ безпорядочнымъ непрерывнымъ щебетаньемъ. Изрѣдка щелкаетъ перепелка, посвистываетъ коноплянка. Сверкнетъ передъ глазами ласточка. Надъ ауломъ широкими кругами носится аистъ. Глазъ невольно слѣдитъ за нимъ. Вотъ онъ плавно, спирально спускается все ниже и ниже и, наконецъ, вытянувъ длинныя ноги, садится въ двухъ шагахъ отъ старика-киргиза, прорывающаго новый арыкъ. Лукавой улыбкой волнуются уста: вѣрно неожиданное счастье принесетъ старику молодая подруга...

Мы миновали постройку, извѣстную подъ именемъ „буза-хана“ (кабачекъ). Сегодня—день паломничества, день, посвященный святому: «буза-хана» закрыта.

Еще нѣсколько минутъ пути, и передъ нами глиняные куполы одной изъ турбатскихъ мечетей. Самъ Турбатъ, приютившійся межъ обрывистыхъ холмовъ, скрывается въ густой зелени.

Улицы оживлены. На воротахъ, ведущихъ къ гробницѣ святого, рѣютъ бѣлые и зеленые флаги.

Со двора несется гулъ голосовъ. Мы входимъ въ ворота.

— Аманъ! Аманъ! Съ громкими криками и удивленными мордочками встрѣчаютъ насъ ребяташки. Передъ нами забавная пара: у грязной канавки сидитъ на карточкахъ карапузъ. Мальчикъ чуть постарше набираетъ пригоршней черную воду и подноситъ ее къ губамъ ребенка. Безпомощное положеніе почти младенца, его стремленіе разсосать, разжевать грязную воду невольно заставляютъ улыбнуться.

— Много ихъ умираетъ?—спрашиваю я у компаньона-фельдшера.

— Представьте, вѣтъ. Живучи какъ... чертенята...

На широкомъ дворѣ, подъ тѣнью старыхъ, вѣковыхъ деревьевъ концентрическими кругами расположились правовѣрные. Въ серединѣ три дервиша (дивана, суфи) возлѣ нихъ наиболѣе почетные и почтенные мусульмане. Киргизовъ немного.

Вдали въ чащѣ, словно лѣсные цвѣты, поминутно раздвигая чадру, играя черными глазами, жмутся женщины и дѣвочки.

Тяжелое, непріятное впечатлѣніе производитъ речитативное пѣніе, вѣрнѣе вопль, порой, изступленный крикъ этихъ кривляющихся, уродливыхъ, охрипшихъ чтецовъ. Непрѣятное, гнетущее впечатлѣніе производитъ и толпа, времена-

ми начинающая такъ выть, стонать, взвизгивать, такъ усердно, открыто одобрять чтецовъ, что невольно начинаешь сомнѣваться въ искренности всего этого. Кривляются, плачутъ и завываютъ всѣ и на разные лады, и обязательно нѣсколько „гнусавыхъ“ перекричатъ всѣхъ. Многие приходятъ въ настоящее изступленіе, начинаютъ дѣлать какія-то бессмысленныя тѣлодвиженія или изливаютъ избытокъ чувствъ своихъ въ своеобразныхъ, восточныхъ объятіяхъ. Но экстазъ, бѣшенство проходитъ, и все понемногу успокаивается; только изрѣдка слышны всхлипыванія, вздохи, да легкіе, подавленные стоны...

— Скажите, Мурза, что они читаютъ и отчего такъ жестоко плачутъ?—обращаюсь я къ знакомому сарту—мяснику.

— Читаютъ они... Сейчасъ, дайте припомнить...

Да... Изъ Туркестана... Сейчасъ... Ну... о жизни Исмаила, о его дѣлахъ и страданіяхъ...

Сейчасъ скажу... Да—„Китабе Хикмать“ (книга познанія)... А плачутъ?... Когда голова становится свѣтлой (поймете написанное тамъ),

Сердце размягчается. Трудно удержаться отъ плача, отъ рыданій въ такую минуту...

— А давно умеръ Исмаиль-Ата?

— 678 лѣтъ назадъ...

Крики и церемоніи „размягченныхъ сердецъ“ скоро наскучили, и мы отправились осматривать могилу святого. Черезъ груды кирпича, земли у могилы стараго кладбища, густо заросшаго лопухами, съ трудомъ пробрались мы во дворъ гробницы.

Передъ нами три мавзолея съ кирпичными куполами. Входъ въ гробницу святого содержится въ порядкѣ; фасадъ зданія недавно ремонтировался. Надъ дверьми водяными красками арабская надпись. У дверей бѣлые значки и кисти изъ волоса. На куполѣ громадное гнѣздо аиста. Передъ гробницей старое тутовое дерево, увѣшанное десяткомъ тысячъ бѣлыхъ лоскутковъ (усердіе мусульманскихъ матронъ, чающихъ плодовитости, возврата утраченной любви или прощенія за нарушеніе супружеской вѣрности). Два другихъ мавзолея—гробницы послѣднихъ родственниковъ святого.

Внутрь проникнуть не удалось. Сарты хватаютъ, таинственно понижая при этомъ рѣчь, что стѣны мавзолея выложены мраморомъ, въ который вдѣланы драгоценныя каменья...

Въ мечети раздался голосъ муэззина.

Правовѣрные расположились стройными рядами и началась пятничная молитва.

Тишина, порядокъ, дисциплина...

Мягкія сердца стали твердыми, глухими во всему окружающему, какъ черный камень далекой Кааба.

«Ля иляга иля ллахъ!» взывалъ муэzzинъ, и молящіеся стройно, какъ одинъ, исполняли строго опредѣленный церковнымъ уставомъ ритуаль.

В. Герштенцевейгъ.

Къ вопросу о русско-авганской торговлѣ.

Владѣнія эмира Хабибуллы граничатъ на пространствѣ отъ Бассаги до Пархара съ побережною полосой (по рѣкамъ Аму-Дарьѣ и Пянджу) бухарскихъ владѣній, т. е. съ тою ихъ частью, въ которой русское вліяніе обнаруживается присутствіемъ пограничной стражи и таможенныхъ учреждений. Можетъ быть, хотя сомнительно, что русская культура въ Закаспійской области болѣе импонируетъ сосѣдямъ азіатамъ, но на бухарско-авганской границѣ намъ похвастать передъ ними нечѣмъ. Последняя почтово-телеграфная контора находится въ Термезѣ, (Патта-Гисарѣ тожъ), куда съ большимъ трудомъ добираются пароходы Аму-Дарьинской флотиліи. Заброшеннымъ далѣе этого пункта пионерамъ русскаго вліянія почта доставляется пограничными разъѣздами. Не только телеграфа, устройство и обслуживаніе котораго требуетъ значительныхъ затратъ, но даже телефона въ этомъ забытомъ краю нѣтъ, и здѣсь не рѣдки случаи полученія русскими офицерами и чиновниками «новостей» о своемъ отечествѣ, изъ устарѣвшихъ на цѣлые мѣсяцы газетъ, послѣ того какъ полудикіе сосѣди уже обсудили эти новости на своихъ базарахъ, куда ихъ занесъ индійскій телеграфъ, къ слову сказать, идущій транзитомъ черезъ всю Россію.

Пограничная стража, при всемъ желаніи, не можетъ одна помочь всему дѣлу здѣшняго благоустройства, хотя побережье Аму-Дарьи и Пянджа обязано ей очень многимъ. Благодаря ей, на примѣръ, на впадающихъ въ Аму-Дарью рѣкахъ Сур-

ханѣ, Кафирниганѣ и Вахшѣ появились желѣзные Крейтоновскіе паромы, обезпечивающіе удобную и безопасную переправу пѣшему и конному черезъ эти рѣки, броды на которыхъ далеко не всегда бываютъ безопасными; она же обмѣрила дорогу тянущуюся вдоль берега и постановила вдоль ея верстовые столбы; ей же приходится время отъ времени отъ времени оказывать содѣйствіе бухарскимъ властямъ къ преслѣдованію своихъ и пришлыхъ-авганскихъ разбойниковъ, время отъ времени отбирающихъ скотъ у пастуховъ и кое какое имущество въ кишлакахъ.

Пограничныя сношенія чрезвычайно затруднены,—съ одной стороны правительствомъ эмира, недопускающимъ въ Авганистанъ даже ташкентскихъ и самаркандскихъ сартовъ, не говоря уже о русскихъ служилыхъ людяхъ, а съ другой,—петербургскою бюрократіею, подарившею нашу здѣшнюю торговлю довольно неудачною мѣрою—распространеніемъ на авганскій привозъ 16 декабря 1903 года, безъ совѣта съ мѣстной властью, такъ называемаго тарифа В., приложеннаго къ русско-персидской конвенціи 27 октября 1901 года. Тщательная разработка этого тарифа доказываетъ, что онъ составлялся знающими дѣло и интересы договаривавшихся сторонъ специалистами, но имѣлъ въ виду только персидскіе товары, а распространеніе его на авганскіе вызывается, вѣроятно, лишь тѣмъ, что при авганскомъ дворѣ говорятъ на персидскомъ языкѣ, ибо ни природа, ни промышленность Авганистана не имѣютъ ничего общаго съ персидскими. Эта неудачная мѣра не имѣла особеннаго вліянія на русско-авганскій товарообмѣнъ, вообще весьма скромный, но безъ сомнѣнія отодвинула на нѣсколько лишніхъ лѣтъ наше сближеніе съ этой страной, все болѣе и болѣе мирно завоевываемой англичанами. Въ погонѣ за пошлиннымъ поступленіемъ, мы рискуемъ потерять послѣдніе остатки симпатій къ намъ авганскихъ узбековъ, населяющихъ Авганскій Туркестанъ. Если же предположить, (по петербургски), что эта мѣра могла повліять на отношенія къ намъ авганскаго правительства и заставить его пойти на уступки, то ея результаты не оправдали такой надежды—она со стороны эмира ни-

ли частныхъ владѣльцевъ, не считаясь даже съ тѣмъ, что цѣны, при открытіи функцій крестьянскаго банка, быстро возрастутъ. Край заселится переселенцами, но переселенцы эти, попавшіе въ кабалу банка, будутъ работать только на банкъ и, такимъ образомъ, Туркестанскій край будетъ имѣть свой собственный земледѣльческій пролетаріатъ.

Зажиточный до сихъ поръ край легко можетъ превратиться въ такую же голодную деревню, какъ центральныя губерніи Европейской Россіи, а это едва ли желательно.

Не беря на себя смѣлости указывать выходъ изъ создающагося положенія, мы констатируемъ фактъ, что, съ открытіемъ функцій крестьянскаго банка, въ Туркестанскомъ краѣ быстро возрастутъ цѣны на землю, а это обездолитъ крестьянина—хлѣборобъ.

Явленіе это, не желательно, а потому на него слѣдуетъ обратить самое строгое вниманіе пока еще не поздно. В. П.

Сказки, очерки, замѣтки.

Отъ редакціи. Подъ этимъ заголовкомъ начинаемъ печатаніемъ рядъ очерковъ изъ Туркестанской жизни, охватывающихъ, хотя и безъ строгой системы, жизнь обывателей края въ самыхъ разнообразныхъ ея проявленіяхъ. Очерки написаны однимъ изъ лучшихъ знатоковъ края, исколесившимъ Туркестанскій край вдоль и поперекъ.

Вмѣсто предисловія.

1. КАЛЕЙДОСКОПЪ.

Безпрерывно дѣйствующая игрушка даетъ безконечный рядъ сочетаній, образовъ, рисунковъ и эффектовъ. Глазъ не успѣваетъ остановиться на красивомъ сочетаніи красокъ и линий, какъ на смѣну ей является и тотчасъ замѣщается или еще болѣе эффектной звѣздой или уродливымъ, и дѣсгармоничнымъ соединеніемъ цвѣтовъ и угловъ. Вертится калейдоскопъ и картина за картиной безпрерывно смѣняются, никогда не повторяясь, и давая все новые и новые эффекты.

Жизнь человѣка тотъ же безпрерывно дѣйствующій калейдоскопъ. Внѣшнія и внутреннія функціи человѣческой особи находятся постоянно въ движеніи, какъ на яву, такъ и во снѣ. Мысль, душевныя эмоціи, органы зрѣнія, слуха, обонянія ни на секунду не находятся въ состояніи покоя. Внутренніе импульсы, внѣшнія причины заставляютъ ихъ безпрестанно проявляться въ новыхъ образахъ, ощущеніяхъ и картинахъ.

Перескакивая съ одного предмета на другой, мысль непрерывно работает, воспоминает, наблюдает, анализирует, залетая въ глубь прошедшаго, то въ даль будущаго, или остагавливаясь на настоящей минутѣ. Мысль то забирается въ поднебесныя сферы, то опускается въ преисподнюю, то подсчитываетъ дважды два, то рѣшаетъ судьбы человѣчества, то готовитъ себѣ меню для обѣда. И все органы человека подъ вліяніемъ внѣшнихъ побужденій, внѣшнихъ непрерывно дѣйствующихъ причинъ вызываютъ безпрестанную, лихорадочную, калейдоскопическую работу мысли, давая, или дивно прекрасныя образы, или грубое сочетаніе уродливыхъ формъ. Качества-же образовъ зависятъ отъ качества матеріаловъ мысли, а быстрота въ смѣнѣ картинъ и количество ихъ зависятъ отъ количества оборотовъ машинки — отъ темперамента человека.

Если попытаться фиксировать все картины калейдоскопа — мысли за одинъ лишь день, одного лишь индивида и передать ихъ на бумагѣ, то составитъ огромный томъ, на разсмотрѣніе и прочтеніе коего понадобится недѣли и весьма удивительнымъ покажется беспорядочный хаосъ мыслей, въ коихъ непрерывный рядъ картинъ покажется безобразное велѣдъ за прекраснымъ, страданіе тотчасъ послѣ радостнаго ощущенія, наблюдение за воспоминаніемъ, послѣднее за математическимъ изслѣдованіемъ, прерывающимся критикой качествъ прошедшаго мимо субъекта и смѣняющемся любовнымъ сонетомъ.

Смѣшное и горестное, глупое и умное, ясное и тусклое, поэзія и

проза, красота и грязь, аромат и отвратительный запахъ и все это въ хаотическомъ беспорядкѣ — вотъ продукція мыслей и ощущеній человека изо дня въ день, а сколько есть этихъ дней и сколько существуетъ людей. Фиксированныя мысли и ощущенія одной лишь человѣческой жизни дали-бы количество томовъ, кои могли бы заполнить все шкафы самсй большой библіотеки. Правда, большинство этихъ томовъ было-бы заполнено навозомъ, но зато, несомнѣнно, попадались бы и жемчужины, затеряныя въ навозѣ.

Много миѣ пришлось про странствовать по Средней Азій. Много видѣлось, чувствовалось, испыталось. Безпрерывный рядъ калейдоскопическихъ воспоминаній и мыслей осталось въ памяти безъ всякой между собой связи. Но отдаваясь по временамъ временному покою я набрасывалъ въ записныхъ книжкахъ калейдоскопическія замѣтки своихъ впечатлѣній и отдѣльныхъ мыслей; дальнѣйшее, что находится на послѣдующихъ страницахъ, есть фиксація моихъ калейдоскопическихъ мыслей, чувствъ, ощущеній, воспоминаній и наблюдений въ томъ хаотическомъ беспорядкѣ, въ какомъ мѣѣ приходилось наблюдать и ощущать нижеизложенное.

2. Изслѣдователя Средней Азій.

Еслибы собрать все, что напечатано на разныхъ языкахъ о Средней Азій, то составила-бы огромная библіотека. Еслибы изъ этой библіотеки выключить все, что вкралось о Средней Азій — то осталось бы пара тощихъ полокъ и въ число выключенныхъ авторовъ очутились бы имена очень извѣстныхъ, а часто знаменитыхъ писателей, дипломатовъ, художниковъ военныхъ ар-

торитетовъ и прочее.

На полкахъ остались-бы только сообщенія специальныхъ изслѣдователей, командированныхъ въ Азію для ознакомленія и сообщенія специальныхъ задачъ и вопросовъ. Не упуская ни на минуту своихъ узкихъ задачъ, изслѣдователи по долгу остаются въ краѣ, изучаютъ заданные вопросы детально и даютъ рядъ научныхъ, но специальныхъ произведеній; таковы Федченко, Андрусовъ, Зарудный, Пржевальскій, Линскій, *t tutti qu nti*.

Но внѣ ихъ специальныхъ изслѣдованій въ Азіи существуетъ огромный чрезвычайно любопытный для каждаго интересующагося міръ. Этнографія, бытъ, промышленность, торговля, политическій строй, исторія, внѣшняя природа—все такъ разнообразно, все такъ оригинально и отлично отъ впечатлѣній Европы, все такъ легко и доступно поддается наблюденію, все такъ интересно для культуры европейца и обо всемъ этомъ такъ много пишутъ интересныхъ книгъ и сообщеній всевозможные туристы и путешественники, знатные и безвѣстные, но нерѣдко пишутъ крупные авторитеты, къ голосу коихъ прислушивается цивилизованный людъ. Таковы—Мельхиоръ-де-Вогео, Добсонъ, Циммерманъ, Сазонсъ, Миссъ Мекинъ и тысячи другихъ.

Почему же три четверти ихъ сообщеній составлены изъ безсознательной лжи, грубѣйшихъ ошибокъ, перетасовокъ, сказокъ и басенъ. Причина очень простая: всѣ подобные изслѣдователи предварительно весьма добросовѣстно изучаютъ Среднюю Азію по предварительнымъ источникамъ весьма сомнительнаго достоинства. Затѣмъ они, нагружен-

ные хаотическимъ балластомъ исковерканныхъ и лживыхъ матеріаловъ, быстро мчатся по рельсамъ Средней Азіи, оставляя лишь по дню или по два, исключительно, въ городахъ, заносятъ свои поверхностныя впечатлѣнія и вранье встрѣчныхъ и поперечныхъ въ записныя книжки и, изслѣдовавъ всю Среднюю Азію въ одинъ—два мѣсяца всесторонне, со всѣхъ точекъ зрѣнія, возвращаются къ своимъ пенатамъ, чтобы выпустить толстый томъ авторитетныхъ изслѣдованій; получается новос негромажденіе ошибокъ, болтовни и вздора на старыхъ кислыхъ и негодныхъ дрожжахъ и все это сдобривается дюжиной мадѣвшихъ всѣмъ до приторности фототипій съ изображеніемъ мавзолея Тамерлана, Текинскаго милиціонера или киргиза у своей юрты.

Но неужели въ Средней Азіи нѣтъ достаточнаго контингента интеллигентнаго люда, который здѣсь постоянно проживаетъ близко знакомъ со всѣми сторонами средне-азиатской жизни и можетъ написать весьма много интереснаго для всеобщаго свѣдѣнія? Да, сего и есть очень много! Врачи, юристы, чиновники, универсаны, интеллигентные промышленники переполняютъ всѣ города. Есть лица съ очень бѣжимъ и проницательнымъ перомъ. Еслибы только они изложили свои знанія на бумагѣ, то въ одинъ годъ Средняя Азія былабы болѣе всесторонне и вѣрнѣе освѣщена, чѣмъ ее до сихъ поръ освѣтили тысячи томовъ всевозможныхъ проходимцевъ и проѣзжателей съ птичьяго полета.

Къ сожалѣнію, мѣшаютъ имъ писать чисто психическія причины. Обживаясь постепенно въ Средней Азіи, свыкаясь быстро

съ окружающимъ бытомъ, долго проживающіе въ краѣ интеллигенты какъ бы и сами сродняются со всеми особенностями края. То что каждому изъ нихъ вначалѣ кажется весьма интереснымъ и оригинальнымъ и такими же могли бы остаться при передачѣ, съ теченіемъ времени кажется ему болѣе близкимъ, знакомымъ, будничнымъ и обыденнымъ. Онъ утрачиваетъ чувство новизны, интереса для себя и другихъ и ему *кажется*, что все это *не заслуживаетъ* того, чтобы о немъ писать и публиковать во всеобщее свѣдѣніе.

И чѣмъ дальше проживаетъ такой субъектъ въ краѣ, чѣмъ онъ ближе и глубже знакомится со всеми отраслями жизни, тѣмъ болѣе онъ ею затягивается и тѣмъ менѣе она ему кажется заслуживающей передачи.

И вотъ такія силы какъ Каразинъ, Ардова, Хомутова, Вандевичъ, написавшіи многочисленные томы вздорныхъ романовъ изъ азіатской жизни, романовъ и повѣстей, кои чрезъ десять лѣтъ никто не возьметъ въ руки, не смотря на несомнѣнный талантъ ихъ авторовъ, пропадаютъ втунѣ и трудно винить ихъ въ томъ, что близко познавъ Среднюю Азію, они не дали ничего болѣе серьезнаго, не смотря на то, что это болѣе серьезное они, несомнѣнно, имѣли, понимали и могли бы лично изложить.

А сколько и сейчасъ въ краѣ пребываетъ такихъ же Ардовыхъ, Каразиныхъ, Хомутовыхъ и Вандевичей!

3. Реальность сказокъ.

Сказки Шехеразандъ—это цѣлый міръ фантастическихъ чудесныхъ образовъ, картинъ и описаній. Нигдѣ фантазія человѣка не достигаетъ такихъ высокихъ сферъ красоты и самыхъ роскошныхъ и великолѣпныхъ узоровъ и кружевъ мышленія.

Но какъ-бы высоко ни залетала пылкая фантазія человѣка, все же умъ его скованъ узкими и тѣсными рамками земли. Какъ бы могучи ни были его умъ и фантазія—въ основѣ всехъ его мышленій и образовъ обязательно лежитъ нѣчто реальное, простое, земное.

Сказка—это ассоціація обыденныхъ явленій, увеличеніе подъ микроскопомъ обычныхъ яркихъ красотъ до необычныхъ размѣровъ, группированіе ничтожныхъ величинъ, разсыпанныхъ повсюду красокъ въ преувеличенные непомѣрно сосуды; сказка—это объединеніе въ одно цѣлое самыхъ разнообразныхъ элементовъ и перестановка самыхъ обыкновенныхъ явленій въ самыя же обыкновенныя, но несвойственныя этимъ явленіямъ условія.

Сказки тысячи и одной ночи поражаютъ насъ непонятными въ нашей будничной жизни чудесами, оригинальной обстановкой происшествій, яркими красками восточныхъ образовъ, людей и здарій, гармоничными, ласкающими слухъ именами и названіями; а такъ какъ все описываемыя въ сказкахъ происшествія внѣ нашего времени и пространства и особенно внѣ условій нашей повседневной жизни, то тѣмъ болѣе чудными и чудесными они намъ представляются.

Но стоит лишь перенестись на родину Шехеразеды подь восточное солнце Персии и въ ея великолѣпныя рощи и эти самыя сказки принимаютъ совершенно другой, болѣе реальный характеръ; правда онѣ при этомъ много теряютъ въ своемъ благоуханіи и фантастичности, но за то становятся болѣе понятными, постижимыми, болѣе близкими и реальными.

Всѣ эти чудныя сооруженія въ арабскомъ стилѣ, яркое солнце, роскошныя сады, турбаны, шальвары, плѣнительныя красавицы, необычная уличная и домашняя жизнь, чудеса природы—все это здѣсь есть въ наличности, все это существуетъ въ дѣйствительности и сказки здѣсь теряютъ четыре пятыхъ своей фантастичности.

А внимательный наблюдатель найдетъ основы и объясненія для фантастическихъ явленій и остальной пятой части и убѣдится, что всѣ сказки, какъ бы невѣроятно содержаніе ихъ ни было-бы, являются только узорами, вышитыми на самой обыкновенной прозаичной канвѣ.

Кому не извѣстна чудная сказка про жарь-птицу и зеленая яблоки и кто не считалъ этого чистой фантазіей, а я видѣлъ въ Персии самъ своимъ реальнымъ зрѣніемъ цѣлыя рощи золотыхъ яблокъ.

Я посѣтилъ какъ-то въ Энзели лѣтній дворецъ персидскаго шаха. Дѣло было въ началѣ января. По нашимъ климатическимъ условіямъ въ это время предполагалась зима. Между тѣмъ въ великолѣпномъ саду шаха я рвалъ розы и густая зелень давала тѣнь отъ яркихъ лучей почти лѣтняго

солнца; только мѣстами опадавшія листья съ нѣкоторыхъ породъ деревьевъ давали понятъ о сезонѣ года.

Я долго выбирался изъ густыхъ низкорослыхъ кустовъ и невысокихъ, покрытыхъ цвѣтами деревьевъ и вдругъ остановился пораженный, изумленный и восхищенный. Предо мною разстилась огромная роща густыхъ де-

ревъ, совершенно лишенныхъ листьевъ, но усыпанныхъ сверху до низу золотыми яблоками. Золотые шары горѣли и блестяли подь лучами яркаго солнца и казались вылитыми изъ чистаго золота.

Мнѣ показалось, что у меня галлюцинація, что я брежу. Я протеръ глаза—золотыя яблоки все такъ же горѣли. Я тихо подошелъ ближе, робко протянулъ руку и въ ней очутился, сочный, ароматный, блестящій апельсинъ.

Здѣсь-же въ саду я встрѣтилъ и жарь-птицу. Съ короной на головѣ и необычайно красивымъ длиннымъ хвостомъ, эта птица въ Персии является исключительной принадлежностью царскаго дома и естественно, что туземное населеніе, поражаемое контрастомъ между этой царственной птицей и обычными породами непримѣтныхъ куръ и разныхъ птичекъ, надѣлило павлина чудесными свойствами и почтительно и благоговѣнно относится къ пернатому другу своего государя.

И много въ своихъ странствованіяхъ по Азій я видѣлъ разоблаченныхъ чудесъ и разъясненныхъ сказокъ, а кое какими изъ нихъ и своими собственными сказками я подѣлюсь и съ тобой, мой дорогой читатель.

4. Подземное озеро въ Бахарденѣ.
Вблизи станціи „Бахарденъ“

средне-азиатской желѣзной дороги есть огромная пещера съ обширнымъ подземнымъ озеромъ.

Туремцы населили эту пещеру волшебниками и великанами, оставили ее всякими чудесами и среди туркменъ распространена масса легендъ, кои дойдя до блестящаго фантазмагорическаго воображенія персидскихъ поэтовъ, послужили темами не одной чудесной сказки.

При первомъ подходящемъ случаѣ я не преминулъ доставить себѣ удовольствіе—спуститься въ глубь пещеры, осмотрѣть все доступные уголки и прокатиться по озеру на примитивномъ плоту.

Чародѣевъ и великановъ я, конечно, не встрѣтилъ, но воплощенія духовъ свѣта и тьмы отложили всюду свои характерные слѣды.

Какъ духи добра и свѣта цѣлыя тучи бѣлоснѣжныхъ голубей десятками тысячъ вырывались изъ пещеры и ихъ многолѣтнее пребываніе въ пещерѣ отмѣчено толстымъ слоемъ гуано на всѣхъ площадкахъ и во всѣхъ углубленіяхъ и закоулкахъ.

И тутъ-же, смѣшивая свои выдѣленія съ голубиными, духи тьмы и зла—мириады летучихъ мышей безшумно вылетаютъ по вечерамъ огромными непрерывными тучами.

И живутъ голуби и мыши сотни лѣтъ вмѣстѣ, чередуясь по времени бодрствованія и сна и смѣняя днемъ и ночью другъ друга.

По утрамъ шумно вылетаютъ голуби и возвращаются вечеромъ къ своимъ гнѣздамъ и тотчасъ вследъ за ними появляются имъ на смѣну быстролетныя мыши, чтобы утромъ опять помѣняться ролями.

Сотни и быть можетъ тысячи лѣтъ живутъ они тамъ бокъ о бокъ дружески, но раздѣльно, ничего общаго между собою не имѣя, подѣливъ полюбовно міръ по времени на двѣ равныя части, не ссорясь и не споря и не сходясь другъ съ другомъ.

И только продукціи ихъ жизненнаго существованія отлагаются обѣими сторонами въ одно общее хранилище;—сотни лѣтъ наполняется сокровищница и вотъ нынѣ настало время, когда явился культурный человекъ во всеоружіи знанія, отринувъ все представленія о чудесахъ пещеры и безбоязненно забираетъ гуано, накопленное духами дня и ночи, добра и зла и обращаетъ это сокровище на удобротвореніе своихъ полей и усиленіе ихъ растительнаго могущества на благо человѣчества.

5. Кровавая гора.

Нужно-ли пылкое воображеніе, необходимо-ли прибѣгать къ сказочной фантазіи, чтобы при передачѣ нѣкоторыхъ эффектовъ природы вызвать представленіе о дѣйствительности сказокъ.

Кому не извѣстна сказка о горѣ, въ которой пещерный великанъ пожираетъ проезжающихъ и проходящихъ путниковъ и кровь ихъ густыми потоками стекаетъ по склонамъ горы въ долину.

А между тѣмъ я видѣлъ эту сказочную гору въ дѣйствительности и наблюдалъ ее истекающею густою, яркою кровью.

Выбравшись изъ безконечныхъ хивинскихъ песковъ на лесовую долину, я поѣхалъ по верблюжьей тропѣ къ виднѣвшейся веретакъ въ двухъ невысокой круглой горѣ.

Небольшое углубленіе тропки, по коей ступала моя лошадь

скоро изъ желтой сдѣлалась слегка розоватой. Чѣмъ далѣе я по ней ѣхалъ, тѣмъ розовый цвѣтъ становился интенсивнѣй и перешелъ наконецъ въ густой кроваво-красный цвѣтъ.

Трѣпка казалось была заполнена яркой, спекшейся, кровью. Еще далѣе кровь стала показы-

ваться по сторонамъ тропы въ видѣ отдѣльныхъ потоковъ, направлявшихся со стороны горы, а подѣзжая ближе къ самой горѣ я увидѣлъ широкіе сливающиеся потоки, а наконецъ, я разобралъ близко и самую гору ярко кроваваго цвѣта, отъ которой кровавые ручьи шли радіусами во все стороны, заполняя малѣйшія углубленія и изливались во все стороны по тропинкамъ, протореннымъ верблюдами и дикими звѣрями.

Иллюзія была полная, и я долго не могъ отрѣшиться отъ впечатлѣнія и мысли, что предомною дѣйствительно находится истекающая кровью гора.

Только взявъ въ руки кровавый сгустокъ я разобралъ, что предомною была гора, состоящая изъ чистой ярко-красной охры.

Рѣдкіе злѣсь, но сильные дожди, обмывали по временамъ гору и устремлялись во все стороны долины, унося по рѣкамъ ложбинамъ и тропкамъ частицы яркой краски, кои отлагаясь въ углубленіяхъ, производили впечатлѣніе пролитой крови.

6. Выющійся виноградъ и лѣанка

Въ 25 верстахъ отъ Асхабада есть дачное мѣсто—Фирюза.

Я видѣлъ тамъ могучій выющійся виноградникъ. Стволъ его въ семь вершковъ въ обхватъ тѣсно обвиваетъ многолѣтніе чинары, поднимается по вѣтвямъ

на много сажень вверху, переползаетъ многочисленными развѣтвленіями на сосѣднія деревья и, свисая къ низу, подносятъ путникамъ полныя сочныя грозди винограда.

Сами-же чинары, стиснутые почти желѣзными объятіями, гордо выносятъ вверху свои цвѣтушія вершины и покрываютъ Васъ тѣнистымъ и освѣжающимъ покровомъ.

И стоятъ они такъ сотни лѣтъ въ близкомъ тѣсномъ общеніи, стоятъ они неразлучно и сплетаясь все болѣе, поддерживаютъ другъ друга при веѣхъ невзгодахъ ихъ растительной жизни, не причиняя одинъ другому никакого ущерба.

Ибо питаются они изъ одного источника, изъ одной земли и дѣлятся по братски живительной почвенной влагой, ея химическимъ составомъ и кислородомъ воздуха. Только тѣсная взаимопомощь связываетъ двухъ могучихъ гигантовъ и нѣтъ у нихъ посягновенія отнять что либо другъ у друга.

И тутъ-же недалеко я увидѣлъ тончайшіе и нѣжнѣйшіе побѣги лѣанки.

Тонкія какъ струны, нѣжно зеленые и слабыя, рвущіяся отъ малѣйшаго прикосновенія, нити исходятъ изъ земли, вытягиваются вверху около столѣтняго дерева, покрываютъ его морщинистую кору, какъ паутиной, вползаютъ до вершины и нависаютъ съ вѣтвей шатромъ изъ массы бѣлыхъ пучковъ недлинныхъ усиковъ—плодниковъ.

Весело переливается сочная зелень по тонкимъ вѣтвямъ, а плодники блестящимъ серебромъ ласкаютъ взоръ подъ лучами яркаго

солнца.

А могучее дерево тяжело склонило свои огромныя вѣтви, потеряло свою живучесть и листву и, лишенное соков и пищи, уснуло мертвымъ сномъ на вѣки въ нѣжныхъ объятіяхъ стройной ліанки.

Выносило могучее дерево на своемъ столѣтнемъ вѣку и бури— непогоды, и грозу; источили его вѣтры и личинки, опалила молнія, сбрубили его кругомъ люди, а оно все росло, укрѣплялось и хорошѣло.

Стояло оно, разрастаясь вверхъ и въ ширь, шелестило каждое лѣто своей немолчной листвой и давало приютъ весело щебетавшимъ птичкамъ и проворной бѣлкѣ. Но явилась нѣжная ліанка, любовно и осторожно прикоснулась къ грубой корѣ, незамѣтно запустила въ трещину питающій ее усикъ и поползла далѣе.

Усикъ за усикомъ впивались въ крѣпкое дерево все чаще, все больше, все глубже, а дерево мельчайшими количествами стало отдавать ліанкѣ свои живительные соки.

Эти неземѣтныя количества превратились въ капельки, капельки въ капли и излилось дерево этими каплями, какъ кровью и, давъ распуститься роскошной ліанкѣ полнымъ пышнымъ цвѣтомъ, само захирѣло, поблекло, опустилось и умерло, выглядывая сухими вѣтвями изъ за изумрудной зелени красавицы-ліанки.

7. Римское право и риваяты.

2000 лѣтъ назадъ въ обширномъ преторіумѣ облаченные въ тоги съ суровыми брityми лицами засѣдали сенаторы. Всѣ несогласія судей государства при разборахъ разныхъ дѣлъ, проистекавшія изъ различныхъ тол-

кованій законовъ и разныхъ мнѣній, доставлялись на обсужденіе мудраго сената.

Глубокіе знатоки законовъ, обычаевъ и народной жизни—сенаторы не постановляли обязательнаго для тяжущихся сторонъ рѣшенія, а лишь, обдумавъ и обсудивъ сложный вопросъ, письменно излагали свое мнѣніе, обстоятельно его мотивируя и подписывая своими авторитетными именами.

Народные судьи руководились обыкновеніемъ этими разъясненіями, полными глубокаго знанія законовъ и обычаевъ, а накопившійся этотъ матеріаль легъ въ основу живучихъ законовъ. Такъ создавалось римское право.

За 2000 лѣтъ судьбы человечества много разъ измѣнялись, цивилизація и успѣхи науки существенно измѣнили весь строй и обиходъ человеческой жизни, но по существу человечество ни на шагъ не подвинулось впередъ ни въ физическомъ, ни въ умственномъ, ни въ нравственномъ отношеніяхъ, а римское право все также живуче и все также лежитъ въ основѣ юридическихъ отношеній человека къ человеку.

Ибо римское право—это логика, а логика существуетъ только одна и какова она была много тысячъ лѣтъ назадъ, таковой остается теперь и таковой же останется и на вѣки вѣковъ.

Спустя 2000 лѣтъ въ началѣ двадцатаго вѣка въ Самаркандѣ въ зданіи Казы-Хана засѣдаютъ почтенныя сѣдобородые въ яркихъ серебристыхъ одеждахъ и съ тончайшими бѣлоснѣжными салля, ишаны—высшее духовенство въ средне-азиатскомъ мусульманскомъ мірѣ.

При какихъ либо несогласіяхъ

во мнѣніи при разборахъ судебныхъ дѣлъ народные судьи—казии часто обращаются за разъясненіями и толкованіями къ мудрымъ ишанамъ.

Опытные старики—глубокіе знатки шаріата—корана, народныхъ обычаевъ—адата и психики мусульманскаго населенія, тщательно разслѣдуютъ дѣло, всесторонне его обсуждаютъ съ религіозной и этической стороны и мотивированное мнѣніе—риваятъ, изложенное заихъ подписью на бумагѣ, вручаютъ за интересованнымъ сторонамъ; казии же обыкновенно руководствуются въ своихъ рѣшеніяхъ этими постановленіями.

Риваятовъ накопилось уже много и, какъ знать, не создается ли новое право—право мусульманское, которое также переживетъ себя и черезъ 2000 лѣтъ ляжетъ въ основу юрисдикціи и жизни будущаго культурнаго человѣка.

Ибо право риваятовъ—это этика, а этика существуетъ только одна и какова она была много тысячъ лѣтъ назадъ, таковой она остается теперь и таковой же останется и на вѣки вѣковъ.

8. Алмазная гора.

Преодолевъ цѣлый рядъ сказочныхъ препятствій въ моемъ странствованіи по границѣ между Хивой и Бухарой, я выбрался, наконецъ, изъ загроможденной каменными сблесками долины и перевалилъ черезъ послѣднюю каменную гряду.

Предо мною раскинулась широкая необозримая гладкая равнина; все было выжжено солнцемъ и ни былинки, ни травинки не останавливали на себѣ напряженнаго взора.

Только на далекомъ горизонтѣ веретахъ въ пяти отъ меня не-

высокая гора какъ то неестественно сверкала и испускала неопредѣленнаго цвѣта лучи.

Точно снопы разноцвѣтнаго свѣта исходили изъ горы во все стороны.

Заинтересованный непонятнымъ явленіемъ я направилъ свою лошадь къ необъяснимому свѣтовому явленію.

Чѣмъ ближе я подъѣзжалъ, тѣмъ болѣе росло мое изумленіе и, наконецъ, шагахъ въ двухъ стахъ отъ круглой горы футовъ въ пятьсотъ я остановился пораженный и очарованный.

Предо мною вся куполообразная гора горѣла яркимъ заревомъ, переливала волшебными красками; все цвѣта радуги съ блестящими ослѣпительными точками слѣпили глаза.

Я двинулся далѣе и чѣмъ ближе подъѣзжалъ къ волшебной горѣ, тѣмъ ярче становился блескъ брилліантовъ. Милліоны алмазовъ искрились, горѣли. Изумруды переливались яркими зелеными блесками. Мягкіе переливы опаловъ мѣстами ослабляли яркія блестящія блески.

На горѣ не было точки, которая хотя-бы на мигъ потемнѣла и затмила общій блескъ. Рубины, алмазы, изумруды—все драгоценные камни густо усыпали гору снизу до верху и плѣнительно манили меня подекочить и окунуться съ головою въ эту несмѣтную сокровищницу.

Такъ вотъ она—эта волшебная гора сказокъ, изъ которой герои Шехеразады, рискуя быть уничтоженными охраняющими чудовищами, черпали драгоценности полными мѣхами.

Иллюзія была такъ полна, что я, не былъ-бы пораженъ, если-бы изъ подземельевъ горы вы-

скочилъ великанъ или въ снопахъ алмазнаго свѣта, въ мой объятіа слетѣла волшебная фея.

Я пододвинулся еще. Блескъ по временамъ прямо ослѣплялъ глаза и даже подѣхавъ къ самому подножію горы, я все еще не могъ отдать себѣ яснаго отчета въ этомъ непостижимомъ феноменѣ.

И только соскочивъ съ коня и добравшись до самой сокровищницы, я понялъ въ чемъ дѣло.

Вся гора снизу до верху была покрыта нетолстымъ слоемъ кристаллическаго алебастра, точно она гдѣ либо въ преисподней выкупалась въ расплавленной массѣ и выскочила на свѣтъ Божій въ окристаллизовавшейся сорочкѣ.

Подъ вліяніемъ дождей и солнца слой алебастра растрескался на миллионы частей; мельчайшія густыя трещины паутиной расползлись по всей горѣ и преломленные въ трещинахъ яркіе лучи солнца играли и переливались чудной волшебной фантазмагоріей.

9. Дорога смерти.

Какъ много смертельныхъ опасностей и трудно преборимыхъ препятствій должны были преодолѣть герои сказокъ для полученія руки царской дочери. Сколько рыцарей — искателей счастья погибало по дорогамъ, усеянными костями злочестныхъ путниковъ и какъ мало счастливицевъ достигало вождѣленной цѣли.

Я не искалъ счастья въ своихъ странствованіяхъ и мнѣ не доводилось этимъ путемъ пріобрѣтать ласкъ красавицы — царевны, но я былъ однимъ изъ немногихъ счастливицевъ, благополучно перобравшимся черезъ дорогу смерти.

Правда, это стоило мнѣ потери умершаго отъ тяготъ дороги проводника и павшей заводной съ провизіей и водой лошади, но зато я самъ своими реальными глазами видѣлъ и веѣми фибрами

души и органами тѣла почувствовалъ тяготы страшной дороги.

Въ 1873 году отрядъ русскихъ войскъ прошелъ на Хиву чрезъ Халь-Ата по стоверетной дорогѣ, носящемъ названіе „адамъ-кирилганъ“, то есть „погибель-человѣка“. И счастье нашихъ воиновъ, что они прошли въ болѣе прохладное время года, иначе немногіе изъ нихъ добрались бы живыми до зеленыхъ камышей вокругъ озера Сардоби-Куль.

Мнѣ пришлось преодолѣть эту дорогу въ самое опасное и жаркое время — среди дѣта.

Предо мною разстилалась обширная песчаная пустыня съ гроздящимися песчаными холмиками, холмами и горами. Барханы были разбросаны тысячами во все стороны.

Солнце неизмовѣрно пекло, пески раскалились и отъ окружающей сухости воздуха во рту пересыхало, трескались губы и кожа на рукахъ. До стремянъ нельзя было дотронуться.

Кругомъ мертво — ни одной птицы, ни одного звѣря, ни единого насѣкомаго. Только крошечныя бѣленькія ящерицы съ розовымъ пятнышкомъ на спинкѣ выскакивали каждую минуту изъ подъ копытъ лошади и тугъ-же быстро зарывались въ пески.

Воздухъ былъ совершенно неподвиженъ, а между тѣмъ по временамъ безъ всякихъ объяснимыхъ внѣшнихъ причинъ на горизонтѣ появлялись небольшіе песчаные вихри, крутятся перекатывались по холмахъ, собира-

лись вдругъ цѣлыми группами и точно въ какой-то адской пляскѣ бѣшено на насъ набрасывались и разбивались о насъ, нанося намъ удары и ожоги и засыпая золотистымъ пескомъ съ головы до ногъ.

Лошади тяжело грузли въ рыхломъ зыбучемъ пескѣ и еле плелись тихимъ шагомъ.

Скоро дорога окончательно была потеряна, когда проводникъ молча указаль мнѣ нагайкой вдаль. Я всмотрѣлся. По желтому песчаному фону далеко убѣгала широкая бѣлая дорога, то круто взбираясь вверхъ по песчаному бархану, то сбѣгая внизъ въ глубокой такырѣ. Пока я не подѣхаль вплотную къ этой дорогѣ я никакъ не могъ объяснить себѣ бѣлаго ея цвѣта, но очутившись на ней я поняль и невольно содрогнулся.

Весь путь былъ усыпанъ костями, между которыми легко можно было распознать хорошо сохранившіяся части скелета ишаковъ, лошадей, верблюдовъ, а мѣстами скакали зубы и людскіе черепа.

Десятки, сотни тысячъ костей тянулись впереди и бѣлой широкой полосой отмѣчали собою дорогу. Много, очень много лѣтъ потребовалось, чтобы такъ усеять этотъ злосчастныи путь слезъ и горя останками такого огромнаго количества жертвъ.

Частые вихри то засыпали одинъ рядъ костей, то открывали новую ихъ группу. Подъ копытами безшумно разлетались въ куски или разсыпались въ прахъ перегорѣвшія отъ солнца кости.

И тянулась эта мертвая дорога шагъ за шагомъ, верста за верстою — однообразная, страшная, удручающая, безысходная.

Лошади выбивались изъ силъ,

мы тоже смертельно измучились, вода въ турсукахъ испарилась, но остановиться нельзя было ни на минуту, ибо въ неподвижномъ состояніи мы могли бы быть погребенными подъ песчаными вихрями; да если бы и остались

живы, то у насъ не хватило бы силъ снова двинуться въ путь.

Ползли мы медленно, страшно медленно; головы невольно свисались и гнулись спины; лошади выбивались изъ силъ и все чаще спотыкались. Выучный конь упаль и мы уже не могли его поднять. Въ душу мнѣ закрадывалось сомнѣніе — хватить ли у насъ еще силъ на остающійся десятокъ верстъ. Проводникъ уже шатался на лошади, судорожно вцѣпившись руками за луку сѣдла; губы его были совершенно бѣлыя.

Но тутъ быстро наступили сумерки, повѣяло вечерней прохладой; оживленные лошади сдѣлали послѣднее усилие, рванулись впередъ и чрезъ часъ мы оставили далеко за собою страшную дорогу смерти.

10. Алмазная поляна.

Въ трехъ — четырехъ верстахъ отъ Мулла-Кара, упраздненной нынѣ станціи средне-азіатской желѣзной дор., находится Узбой — древнее руело Оксеуса — Аму-Дарьи.

Бродя съ ружьемъ по крутымъ высокимъ берегамъ, поросшимъ густыми кустами гребенщика (Tamarix), усеяннаго многочисленными пучками мелко-зернистыхъ розовыхъ цвѣточковъ, я выбрался наконецъ на небольшую поляну.

Выбрался я и сталъ какъ вкопанный. Протеръ глаза, вернулся опять въ кусты, возвратился обратно къ полянѣ — чудесное явленіе не исчезало.

Цѣлый часъ я стоялъ оперѣвшись на ружье, ни о чемъ не думая, ни надъ чѣмъ не размышляя и только глаза мои, не отрываясь ни на секунду, слѣдили за волшебнымъ зрѣлищемъ, не успѣвая улавливать всѣхъ разноцвѣтныхъ блескокъ и радужныхъ лучей сказочной красоты.

Небольшая долина была густо усеяна маленькими конусами до аршина высоты. Всѣ ровные, одинаковые, точно изваянные рукою человека по одному шаблону, холмики почти въ шахматномъ порядкѣ усеяли круглую поляну.

Солнце немилосердно жгло и подъ его прямыми лучами всѣ холмики ярко горѣли и искрились. Но блескъ не былъ такъ силенъ и ослѣпительнъ, какъ на моей алмазной горѣ. Здѣсь, казалось, въ поверхность холмиковъ были довольно густо вкраплены алмазы, изумруды и рубины. По-

разительно правильно распределенные драгоценные камни давали цѣлые ряды блестящихъ переливающихся всѣми цвѣтами радуги точекъ, а отъ совокупности сверкающихъ драгоценностей весь холмикъ былъ окруженъ какимъ-то матово-опаловымъ колыхающимся сіяніемъ.

Не отдавая себѣ отчета въ видѣнномъ и желая возможно долѣе насладиться волшебной иллюзіей прежде чѣмъ я доберусь до какого-либо неизбежнаго прозаическаго объясненія непонятнаго феномена, я ушелъ обратно къ Узбою; на этотъ разъ несчастная птица могла быть спокойна — ружье висѣло у меня за плечами безъ надобности.

Черезъ часъ я снова былъ у дивной поляны, снова упивался красотой волшебныхъ холмовъ, но въ моментъ, когда склонен-

ное солнце перестало посылать свои прямые жгучіе лучи и я уже хотѣлъ подойти ближе — весь феноменъ мгновенно исчезъ; точно разомъ потухла Алладинова лампа и поляна съ ея холмиками приняла свой обычный, сѣрый будничныи видъ.

Я подошелъ къ ближайшему холмику. Это оказалось искусственно созданное нѣсколькими поколѣніями гнѣздо термитовъ — врага желѣзнодорожныхъ деревянныхъ построекъ.

Мнѣ раньше приходилось видѣть деревянныя зданія на станціи Мулла-Кара. Окрашенные въ красный цвѣтъ бревна сруба, казалось, сохраняли своей внѣшній солидный видъ, а между тѣмъ зданія были пусты и служащіе входить туда опасались. Оказывалось, что масса бревенъ, выѣденные внутри термитами, представляли собой почти полныя трубы и самое зданіе подъ тяжестью крыши могло каждую минуту рухнуть.

На полянѣ я попалъ въ самое царство, обиталище этихъ крошечныхъ разрушителей.

Весь холмикъ сверху до низу былъ усеянъ тонкими прозрачными ажурными крылышками. Но всѣ они находились на поверхности холма въ стоячемъ положеніи, какъ будто кто-либо съ нечеловѣческимъ терпѣніемъ умышленно собиралъ ихъ и терпѣливо утыкалъ ими холмикъ. Всѣ крылышки одинаковаго вида, одинаковаго размѣра и въ одномъ положеніи правильно покрывали ровныя очертанія конуса.

Я напрасно ломалъ себѣ голову надъ пріисканіемъ объясненія этой работы какихъ-то гномовъ, пока случайно забредшій туркменъ не далъ мнѣ надлежащаго объясненія.

Это оказалось работой самих термитовъ. Ко времени, когда они заканчиваютъ свое воздушное существованіе и крылышки становятся для нихъ обременительными, термиты зарываются на поверхности своихъ гнѣздъ, причемъ крылышки обламываются и остаются въ своемъ стоячемъ положеніи, скрѣпленныя твердымъ глинистымъ слоемъ холмика.

Явленіе не хитрое и не сложное, но я съ удовольствіемъ подвергся-бы опять веѣмъ тягостямъ ѣзды по средне-азіатской дорогѣ, чтобы снова испытать эстетическое наслажденіе при осмотрѣ чудной поляны подъ яркими лучами жгучаго полуденнаго солнца.

11. Ханскій могильникъ.

Съ балкона гостинницы „Чикаго“ въ Кокандѣ я видѣлъ чудную, оригинальную картину.

Прямо предо мною, окруженная высокими стройными тополями, находилась цитадель, а вокругъ нея со всеѣхъ сторонъ были расположены дома европейской архитектуры. Въ самой цитадели гордо выступали залитыя лѣтнимъ солнцемъ колонны и башенки азіатскаго стиля, облицованныя блестящими разноцвѣтными изразцами и маіоликой.

Странная смѣсь сохранившагося издревле азіатскаго сооруженія съ заново насаждаемой европейской культурой!

На вершинѣ роскошнаго восточнаго дворца, бывшаго обиталища мусульманскихъ хановъ, высится позолоченный высокій христіанскій крестъ; великолѣпное жилище свирѣпыхъ азіатскихъ владыкъ и повелителей превращено въ храмъ любви и смиренія, окружено нынѣ русской цитаделью, а площадь, гдѣ не

такъ давно происходили кровавые пиры и казни плѣнниковъ и собственныхъ подданныхъ, теперь полна сбучающимися русскими солдатами.

Все мусульманское, все исконно восточное, все чалмоносное, деспотическое, варварское, замѣщено европейской культурой, европейскими домами, обычаями и нравами, а площадь заполнена темными рубашками русскаго рабочаго люда или бѣлыми—русскаго солдата.

А куда-же скрылись сами гордые владыки, мнившіе себя стоящими выше боговъ, смотрѣвшіе на своихъ подданныхъ какъ на убойное мясо, залившіе въ своей гордынѣ и кровожадности площадь потоками крови и не могшіе спокойно уснуть, не отрубивъ на сонъ грядущій десятка головы. Гдѣ-же они эти кровожадные ханы?

Прямо предо мною снаружи у стѣны цитадели на небольшомъ квадратѣ за кирпичной ажурной рѣшеткой успокоились все эти владыки отъ тревоженій своей мятежной жизни. Надъ каждымъ опочившимъ ханомъ высится небольшая намогильная постройка, гдѣ „сегодня побѣдитель, завтра побѣжденный и вновь черезъ три дня опять на тронѣ онъ, а далѣе отравой иль мечомъ сраженный, въ несбытіе внезапно погруженъ“.

Тѣнсѣй, очень тѣсною группой расположены могильники, высятся надъ ними кроны столѣтнихъ деревьевъ, а между распустившимися кустами розъ весело играютъ шаловливыя русскія дѣти и не подозрѣваютъ, кто нашель успокоеніе въ этихъ могилахъ, на которыя они, шутя и играя, взбираются верхами.

Цѣлый рядъ могиль, цѣлая

исторія царствовавшаго рода, цѣлая эпопея мусульманекаго владычества, мириады гордыхъ думъ, кровавыхъ дѣлъ, могучихъ предприятий успокоилось и истлѣло въ этомъ маленькомъ живописномъ квадратномъ помѣщеніи.

Все это было и никогда уже не возродится! Раздающійся рокоть солдатскаго барабана единовременно справляетъ тризну надъ побѣжденнымъ мертвымъ восточнымъ царствомъ и возвѣщаетъ миръ и благоволеніе европейской любви и всепрощенія среди дикаго азіатскаго народа.

12. Наши тормазы въ Персіи и Кашгарѣ.

Обломовщина-ли препятствуетъ нашему купечеству развивать свое дѣло въ Персіи и Кашгарѣ? нашихъ купцовъ сильно упрекаютъ въ лѣности и малой предприимчивости.

Былъ я какъ-то у знакомаго бухарскаго еврея—крупнаго мануфактуриста. Онъ давно уже стремился открыть отдѣленіе въ Кашгарѣ по продажѣ товаровъ и скупкѣ сырья. Я спросилъ его о причинахъ, затормозившихъ его въ организациі этого предприятия.

— Бѣда въ томъ — отвѣтилъ онъ, — что чужимъ людямъ я не могу довѣрить своего дѣла, а изъ своихъ никто не ѣдетъ. Представьте себѣ, что въ Кашгарѣ нельзя имѣть коширной кухни и нѣкому рѣзать мяса и птицы. А жаль. Кашгаръ, непочатый уголь для русскихъ товаровъ и тамъ можно было-бы сдѣлать большое дѣло.

Возвращаясь отъ него я наткнулся на другого знакомаго, представителя Московской фабрики.

Послѣ первыхъ-же привѣтствій

онъ сталъ мнѣ жаловаться.

— Представьте себѣ, сейчасъ вернулся изъ Асхабада. Хотѣлъ въ Персіи въ Мешхедѣ открыть отдѣленіе, да такъ и не удалось. Никто изъ нашихъ приказчиковъ не желаетъ туда ѣхать. Нѣтъ тамъ поа и негдѣ даже лба перекрестить. Придется бросить затѣю.

А жаль, въ Персіи мы могли бы хорошее дѣло сдѣлать.

Я отъ души посочувствовалъ обоимъ моимъ пріятелямъ и не въ первый разъ утвердился въ преимуществахъ скептицизма передъ косностью.

13. Кишлаки и женщины.

Мужчинъ 472.
Женщинъ 411.

—
Мужчинъ 915.
Женщинъ 750.

—
Мужчинъ 226.
Женщинъ 161.

Проѣзжая проселочными дорогами Туркестана, я постоянно наталкивался по околицамъ кишлаковъ на доски съ ичисленіемъ количества населенія.

Мнѣ пришлось проѣзжать не одну сотню кишлаковъ и ни разу я не встрѣтилъ нарушенія этого соотношенія между мужчинами и женщинами. Неравнобѣрное распредѣленіе половъ и причины такого огромнаго преобладанія числа мужчинъ долго служили для меня загадкой, пока я не уяснилъ себѣ этого страннаго явленія.

Здѣсь сказались результаты многоженства мусульманъ и вліяніе мусульманскаго города на деревню. Болѣе состоятельный городской элементъ при увеличеніи количества своихъ женъ скоро исчерпываетъ женскій элементъ въ городѣ и за пополненіемъ го-

редкого недобора обращается въ деревню.

Чайные домики, а по просту туземные дома терпимости, также приобрѣтаютъ болѣе дешевый деревенскій живой товаръ.

Въ городѣ - же въ это время, влѣдствіе отсутствія медицинскій помощи происходитъ уси-

ленная смертность женщинъ, особенно въ родовой и послѣ родовой періоды и являющійся недоборъ вновь пополняется деревней.

Постепенно дѣвушки и женщины перекачсываютъ изъ деревни въ гаремы городскихъ богачей и въ веселые дома, а кишлакъ остается въ составѣ, при которомъ на четырехъ мужчинъ приходится только три женщины, многоженство - же въ деревнѣ фактически въ силу невозможнаго соотношенія почти не имѣетъ мѣста.

Вмѣстѣ съ тѣмъ усиленные требованія на женщинъ изъ города и недостатокъ ихъ въ кишлакахъ подымаютъ на ихъ цѣну въ значительной степени и огромному числу сельскихъ обывателей женщина мало доступна, а многіе и совсѣмъ лишены средствъ для уплаты калыма.

Четверо мужчинъ и три женщины! Что остается дѣлать обездоленному четвертому сарту, лишенному семейнаго очага, круга семьи и подруги жизни. Отсюда стремленіе къ посяганію на чужую честь, усиленіе тайнаго разврата и происхожденіе и усиленное развитіе бачебатства.

Туркестанскимъ туземнымъ евреямъ также не возбраняется многоженство, но чище сохранившіеся нравы у евреевъ обязаны тому, что двоеженство считается у нихъ неприличнымъ и по рели-

гіознымъ и бытовымъ воззрѣніямъ; женщина занимаетъ у нихъ совершенно иное положеніе, чѣмъ у мусульманъ. Влѣдствіе этого распределенія половъ у евреевъ болѣе равномерно, неизбежность и почти необходимость разврата у нихъ отсутствуетъ и нравы ихъ сохраняются гораздо чище, чѣмъ у мусульманъ.

Религіозные законы у европейскихъ евреевъ не возбраняютъ имъ многоженства и лишь Наполеонъ чрезъ собранный имъ синедрионъ наложилъ свою тяжелую руку на это эгзистическое право мужчинъ. Постановленіе синедриона вызвало вначалѣ смуты и недовольство среди евреевъ, но затѣмъ новое положеніе вошло въ ихъ кровь и плоть и, нынѣ имъ показалось бы преступнымъ имѣть нѣсколько женъ.

Необходимо и для нашихъ мусульманъ вторая сильная Наполеоновская рука, которая такимъ же рѣшительнымъ постановленіемъ уничтожила-бы этотъ чудовищный обычай, дающій состоятельнымъ сартамъ возможность удовлетворять свои сластолюбивые порывы въ ущербъ всему благосостоянію женщинъ; роскошь богатыхъ, влекущая за собой лишеніе семейныхъ радостей для 20% мужскаго деревенскаго населенія и служащая основаніемъ для развитія двойнаго разврата, должна встрѣтить сильный законодательный отпоръ.

Конечно, эта мѣра трудная и могущая испугать самого мужественнаго государственнаго чело-вѣка, но едва-ли противодѣйствіе и волненія туземцевъ будутъ особенно значительны, такъ какъ все многочисленное деревенское населеніе отнесется къ такому постановленію индифферентно и

даже благожелательно, а вся женская половина азиатских мусульманъ тотчасъ станетъ на сторону благодѣтельнаго для нихъ закона.

14. Мусульманка — будущая союзница Россіи.

Русское владычество въ Средней Азіи зиждется исключительно на матеріальной силѣ и сознаніи у туземцевъ непобѣдимости русскаго оружія. Россія внесла въ край богатство, безопасность личности, огражденіе туземцевъ отъ произвола бывшихъ хановъ и чиновниковъ, устраненіе внутреннихъ междоусобій и безопасность отъ вѣшняго врага. Но все это для туземца не свое, а чужое, навязанное ему насильно христіаниномъ-гяуромъ, имъ непрощенное, а поэтому ему и ненавистное.

Малѣйшее заблужденіе въ вопросѣ о возможности помѣряться съ русскими силами и у него является стремленіе отдѣлаться отъ этой опеки, какъ это было въ попыткѣ андижанскаго возстанія.

Тотъ-же туземецъ, который воспринялъ хотя отчасти русскую культуру, сталъ съ русскими въ равныя съ ними отношенія и, считая себя аборигеномъ и хозяиномъ края, онъ съ тѣмъ большей ненавистью относится къ незванному пришельцу.

Въ виду этого безъ болѣе тѣснаго общенія и связи съ туземцами владычество русскихъ въ край будетъ основываться на очень шаткой почвѣ и удержится лишь до тѣхъ поръ, пока у азиатскихъ народностей будетъ существовать страхъ передъ силой побѣдителя, или пока вообще въ Азіи сохранится нынѣшнее политическое status quo.

Если мусульманскій востокъ когда либо воспрянетъ, то малѣйшія неудачи Россіи уничтожатъ въ глазахъ ея мусульманскихъ подданныхъ ея ореолъ силы и славы и мы можемъ въ самое короткое время потерять все тѣ области, которыя достались Россіи цѣной такихъ огромныхъ усилий и жертвъ.

Эта опасность не эфемерная и для предотвращенія ея Россіи необходимо изыскать иные пути для упроченія своего владычества. Самый надежный путь—это привлеченіе на свою сторону всей женской половины мусульманскаго населенія.

Кто въ настоящее время въ Туркестанѣ доволенъ русскимъ режимомъ? Кому онъ выгоденъ и необходимъ и кому удаленіе русскихъ изъ края грозитъ неисчислимыми бѣдствіями? Это мусульманскія проститутки.

Затворничество несетъ присущее свойство мусульманки. Она раба у мужчины и вполнѣ это сознаетъ. Стремленіе къ свѣту, къ свободѣ, къ равенству глубоко сокрыто въ душѣ самой некультурной мусульманки, но оно есть, оно существуетъ и при первомъ же толчокѣ можетъ проявиться, разростись и дать пышный цвѣтъ. Попробуйте потомъ втиснуть это распустившееся растеніе обратно въ скорлупу рабства и не найдется въ природѣ достаточныхъ для этого силъ.

Мусульманская проститутка сняла свое паранджи—эмблему рабства, пріобрѣла свободу, равноправіе, силу, открытый образъ жизни, но стоитъ только русскимъ уйти изъ края и сарты, одинъ изъ развратнѣйшихъ народовъ, быстро втиснуть нынѣшнюю открытую проститутку въ ея па-

ранджи, возвратятъ ее въ ея первобытное рабское состояніе и, случись такое несчастье, эта проститутка скорѣе броситъ родину, друзей, родныхъ и потянется за русскимъ этапомъ, ибо пріобрѣтенная ею свобода ей дороже и милѣе всего въ мірѣ — въ ней проснулся члвкъ, разумная, свободная женщина.

Дѣло не въ проституціи женщины, а въ ея свободѣ. Откройте лица всѣмъ мусульманскимъ женщинамъ, дайте имъ вдохнуть струю свободы уничтоженіемъ паранджи и многоженства и Россія сразу пріобрѣтетъ кровныхъ и тѣсныхъ союзниковъ въ лицѣ цѣлой половины средне-азіатскаго населенія. А эта женская половина много сильнѣе другой мужской, такъ какъ кромѣ обычнаго естественнаго вліянія женщины на мужчину у сартянки въ рукахъ находится и будущее поколѣніе и отъ того, что вкладывается въ молодыя головы матерью въ первые годы, вырабатается или союзникъ или врагъ русскаго народа.

Только страхъ передъ своимъ повелителемъ, привычка и обычай заставляютъ мусульманокъ носить покрывало. Гдѣ нѣтъ этихъ грозныхъ господъ, онѣ охотно открываютъ свои лица русскимъ и съ жадностью глядятъ на свободную русскую женщину, глубоко завидуя ей въ ея свободѣ и равноправіи.

Воспрещеніе выходитъ женщинамъ на улицу въ покрывалѣ несомнѣнно вначалѣ обезлюдитъ улицу, но необходимость скоро заставитъ ихъ одну за другой появляться съ открытымъ лицомъ и тайкомъ пробираться подъ заборомъ, отворачиваясь отъ встрѣчныхъ сартовъ. Затѣмъ болѣе рѣ-

шительныя новаторши, (а онѣ есть и за стѣнами мими-хана) выступятъ подъ защитой русскихъ открыто и смѣло на улицу въ своихъ оригинальныхъ костюмахъ, а тамъ въ одинъ годъ улица быстро заполнится и полный переворотъ наступитъ во всемъ строе Туркестанскаго мусульманскаго міра.

А разъ вкусивъ эту свободу, женщина уже не захочетъ и не сможетъ возвратиться во тьму, будетъ цѣпляться всѣми фибрами души за руку русскаго, и при малѣйшей попыткѣ мусульманъ отдѣлаться отъ русской эгиды, она открыто станетъ на защиту русскихъ интересовъ и станетъ его тѣнѣйшей союзницой.

Въ отдѣльныхъ случаяхъ уже теперь мусульманскія женщины оказываютъ русскимъ нѣкоторыя услуги. Кто помогъ открыть убійцу солдатъ нашего поста на Алаб и привелъ на плаху сыновей алайской царицы? Мусульманка. Кто далъ самыя важныя указанія для поимки Минтюбинскаго ишана? Мусульманка. А сколько уголовныхъ дѣлъ кануло — бы въ Лету, если-бы не указанія и содѣйствія туземныхъ женщины!

Мусульманка нынѣ парія, ибо ей по понятію мусульманъ даже не подобаетъ осквернять коранъ чтеніемъ и изученіемъ, совершать богослуженіе. И на томъ свѣтѣ красивѣйшія изъ нихъ попадутъ въ рай гуріями, а куда-же дѣнутся некрасивые?

Мусульманинъ не позаботился распорядиться даже ихъ загробной жизнью! Онъ не постарался воспитать ее въ такомъ-же слѣпомъ фанатизмѣ, какъ онъ самъ и тѣмъ теперь легче выведетъ мусульманку на новый путь и пріобрѣтетъ въ ней сильнаго друга.

Единственно, что вначалѣ морально серьезно тормозить стремление снять покрывало, это опасение быть принятой за одно изъ жалкихъ существъ, нынѣ уже выходящихъ безъ покрывала: за проститутку, прокаженную, или цыганку. Тогда для болѣе успешнаго введенія новаго положенія запретите проституткѣ выходить непокрытой и откройте остальныхъ. Явится новый стимулъ для достиженія скорѣйшаго успѣха: каждая женщина позаботится выйти открытой, чтобы ее не приняли за падшую.

Откройте лица мусульманкамъ и вы приобретете могучую силу Средней Азии, освободите миллионы женщинъ отъ рабства и дадите имъ счастливый удѣлъ свободныхъ гражданокъ, ибо только паранджи оберегаетъ ихъ отъ всего, что дорого и свято свободной культурной женщинѣ.

15. Жизнь и смерть.

Въ ожиданіи поѣзда на станціи Кую-Мазаръ я долго маршировалъ по перону вокзала. Постепенно мною начало овладѣвать какое-то смутное безпокойство и минорное настроеніе.

Я тщательно всмотрѣлся въ окружающее и невольно былъ пораженъ рѣзкими контрастами.

По одну сторону полотна дороги тянулась долина, покрытая чудной растительностью. Безпрерывные зеленые сады уходили въ безконечную даль. Подъ лучами солнца зелень то переливалась блестящимъ изумрудомъ, то, колыхаясь подъ налетѣвшимъ порывомъ вѣтра, принимала темный цвѣтъ малахита. Живительные арыки серебрились блестящими нитями паутины на всемъ пространствѣ. Сарты въ яркихъ

разноцвѣтныхъ чалмахъ безпрерывно тянулись по всемъ направленіямъ на лошадяхъ, верблюдахъ и ишакахъ. Птицы рѣяли между деревъ и оглашали воздухъ несумолчнымъ щебетаніемъ. Цикады не смолкали ни на минуту. Издалека скрипѣли арбы.

Жизнь была здѣсь полнымъ ключемъ.

А на другой сторонѣ вокзала тянулась каменная безконечная равнина, окаймленная на далекомъ горизонтѣ безлѣсными голыми печальными горами. Ни травинки, ни былинки. Накаленная почва, усеянная камнями, дышала удушьемъ и жаромъ. Казалось и солнце здѣсь жгло горяче, и пустое безоблачное небо надавливало ниже. Кое гдѣ бѣлѣли вывѣтрившіяся кссти.

Издалека плелся верблюжій караванъ, отзванивая костью об оловянные колокольцы свою безконечную, глухую, безотзвучную, похоронную пѣснь.

Изъ всехъ живыхъ существъ только ящерицы иногда быстро скользили между камнями.

Какой-то гнетъ тяжело нависъ и надъ мертвой равниной, и надъ далекими обнаженными громадами горъ и удручающе напоминалъ: *memento mori*.

Иду я по перону на востокъ — направо жизнь, направо смерть. Возвращаюсь обратно — направо смерть, направо жизнь.

Жизнь и смерти! Смерть и жизни!

А черезъ открытыя окна маленькой станціи я слышу визгливыя вскрикиванія новорожденнаго младенца, тщетно убаюкиваемого молодой матерью. Въ золотистомъ пескѣ перона беззаботно копошатся двое дѣтшекъ. Примостившіеся на тюки

съ товаромъ, не обращая вниманія на жгучее солнце, двое подростковъ, болтая босыми ногами, склонили въ букварь свои обнаженные русыя головки.

Крѣпкій, красивый, здоровый парень заигрываетъ съ молодой работницей съ румянцемъ во всю щеку.

А древняя старуха, еле передвигая свои одеревенѣвшія ноги, кряхтя и охая, силится перетащить одной рукой ведро съ водой, влача другой крохотное еле переступавшее, дитя. И казалось вотъ вотъ старуха свалится и сложить здѣсь же на вѣки свои одряхлѣвшія кости.

Жизнь беззаботно рѣзвится около отживающаго существа, около смерти.

Жизнь и смерти! Смерть и жизни!

16. Идеальные ярыжники.

Дореформенные чиновники-ярыги, пиявки-кровопійцы справедливо считались идеаломъ хищничества и взяточничества. Ихъ мертвая хватка заключалась въ томъ, что разъ жертва попадалась въ ихъ руки, то они ее не выпускали до тѣхъ поръ пока не высасывали у нея всехъ жизненныхъ соковъ и лишь съ послѣдней каплей выбрасывали ее, какъ негодную скорлупу.

Заслуженная ихъ слава разошлась далеко за предѣлами отечества и о нихъ можно было сказать безошибочно, что это типъ единственный въ своемъ родѣ.

Да простятъ меня ихъ тѣни за то, что я беру на себя дерзость развѣнчать ихъ славу и утверждаю, что сравнительно съ нынѣшними бухарскими чиновниками они справедливо могутъ

считаться ангелами кротости, невинности и неумѣнія на поприщѣ стяжанія.

При бухарскомъ правительствѣ состоитъ цѣлый штатъ чиновниковъ особыхъ порученій, получающихъ казенное содержаніе только натурой—рисомъ, бараниной и проч. Денежное же ихъ вознагражденіе складывается изъ тѣхъ суммъ, кои они *по строго определенной таксѣ* получаютъ съ виновной стороны во время производства какого либо слѣдствія. На слѣдствія же они командированы по очереди.

Такая опредѣляется и въ сущности даже весьма низкая. Чиновники же—народъ честный и изъ честности и страха *ничего лишняго не берутъ*, а между тѣмъ каждое слѣдствіе приводитъ къ непостижимому эффекту.

Верстахъ въ шестьдесятъ отъ Бухары почти на границѣ хивинскихъ песковъ проживаетъ много мирныхъ, спокойныхъ киргизовъ.

Какъ-то подъѣзжаю я къ одному ихъ аулу и вижу передъ кибиткой на коврѣ сидитъ на корточкахъ человекъ восемь киргизовъ съ низко понурившимися головами. Лица ихъ сильно пригорюнились.

Рядомъ съ ними сидятъ четыре сарта,—чиновники въ бѣлошенныхъ салля со своими служителями.

Четыре осѣдланныхъ коня рядомъ упишывали золотистый ячмень.

Приняли меня киргизы съ обычнымъ гостепріимствомъ, но вялость движеній и угрюмый, удрученный видъ указывали на какое то несчастье.

Отведя знакомаго киргиза въ сторону, я сталъ спрашивать о постигшей аулъ бѣдѣ и тутъ-то предо мною развернулась карти-

на, передъ которой блѣднѣли и далеко отступали все продѣлки нашихъ дореформенныхъ чиновниковъ.

Молодой киргизъ изъ этого аула выкралъ женщину у сосѣдняго рода. Послѣдніе долго обдумывали планы мести и страшнѣе угона барановъ, огня и крови надумали напустить на аулъ бухарекихъ чиновниковъ.

И вотъ послѣдніе производятъ разслѣдованіе обстоятельство дѣла.

Ихъ съ прислугой четыре человекъ. До окончанія слѣдствія еще далеко и каковъ будетъ результатъ еще неизвѣстно, а пока сар-

ты живутъ въ аулъ, мирно ѣдятъ пловъ и кавардакъ, передаютъ бухарекія новости, приводятъ изрѣченія изъ корана и ведутъ слѣдствіе очень и очень не энергично.

— Въ чемъ-же тутъ несчастье, — спрашиваю киргиза. — Ну немного объѣдятъ васъ чиновники и ихъ лошади, да заставятъ виновнаго заплатить штрафъ, а то и возвратитъ женщину. Чего-же все такъ убиты?

Киргизъ тяжело вздохнулъ.

— Видишь-ли, бай, — объяснилъ онъ. — У насъ все отвѣчаютъ одинъ за другого. Сколько причтется штрафовъ и расходовъ долженъ заплатить виновный. Если у него не хватитъ — заплатитъ вся семья. Не хватитъ у нея — возьмутъ со всего аула. Если у аула не будетъ — взыщутъ со всего рода. Если-же и родъ не выкупитъ виновнаго, то заберутъ его съ семьей въ Бухару въ яму и тамъ сгноятъ всехъ до смерти. А платить-то приходится очень много. Подсчитай-ка самъ. По таксу каждому чиновнику за каждый ташъ пути отъ Бухары слѣдуетъ по три теньги за каждый день. Нашъ аулъ — восемь

ташъ отъ Бухары, это 24 теньги, а на четырехъ — 96 теньговъ въ день, да кормежка ихъ самихъ и лошадей стоитъ не мало. Дѣло само то пустое, а вотъ они сидятъ да разбираютъ его уже больше мѣсяца, а сколько еще просидятъ — одинъ Аллахъ знаетъ. Мы-же знаемъ только, что пока они весь аулъ не раззорятъ до чиста, не высеутъ у насъ всего, они до тѣхъ поръ отъ насъ не уйдутъ. Мы уже предлагали имъ сразу большія деньги, чтобы кончили слѣдствіе и уѣхали, да они отказываются, говорятъ, что ничего лишняго они брать не вправе. И вотъ сидятъ эти пауки, да

сосутъ насъ. А когда увидятъ что больше уже съ насъ взять нечего, тогда только наложатъ на виновнаго штрафъ и опять намъ же всемъ придется заплатить, — а откуда взять деньги! Тутъ уже знаемъ, придетъ окончательное раззореніе.

Да, вотъ оно что! Дѣло безапелляціонное. И жаловаться нельзя — все дѣлается правильно по закону, по таксу, по легкой таксу, а между тѣмъ раззореніе цѣлаго аула уже готово! Ну-ка вы — жалкіе ярыжники, взяточники, кровоспійцы, гдѣ вы, отзовитесь, да поучитесь-ка премудрости обирать ближняго. Брали вы, крадучись да трусливо оглядываясь, гроши и алтыны изъ полей въ полу, да потихоньку бѣгали къ себѣ, бросая кругомъ воровскіе взоры. Набирали гроши за грошами, чтобы сколотить жалкій деревянный домишко!

А тугъ ужъ коли возьмутъ такъ возьмутъ кушемъ, возьмутъ открыто днемъ, при яркихъ лучахъ солнца и гордо повезутъ на глазахъ у всехъ киргизъ, то что имъ по чину полагается. Закла-

няются имъ низко, складывая руки на животахъ, встрѣчные сарты, а дома забѣгаютъ передъ ними жены, приедуга и прихлебатели. И опочіють они на жирныхъ лаврахъ до новаго очередного слѣдствія.

И только тамъ, гдѣ - то далеко, въ глухихъ степяхъ останетея сиротливо группа пригорюнившихся, обездоленныхъ, голодныхъ киргизовъ.

17. Оригинальная конкуренція.

Въ лѣтописяхъ Туркестана женщины одного изъ средне-азиатскихъ городовъ обезмертились игривой, но характерной остротой заслуженнаго генерала—начальника области.

Въ интимной бесѣдѣ, перешедшей съ собакъ, лошадей и отличій на болѣе животрепещущую тему, пріѣзжій полковникъ спросилъ у генерала.

— Много у васъ въ городѣ легкихъ женщинъ?

— У меня въ городѣ? Ни одной! — рѣшительно заявилъ его превосходительство.

— Это дѣлаетъ честь вашимъ офицерамъ, если они не поддерживаютъ этотъ легкий элементъ, — замѣтилъ полковникъ.

— Нѣтъ, это не дѣлаетъ чести нашимъ дамамъ, — отвѣтилъ генералъ, — такъ какъ легкія женщины не выдерживаютъ съ ними конкуренціи.

Проѣзжая какъ-то станцію Каракуль я захотѣлъ освежиться водой. Услужливый сторожъ поднесъ мнѣ стаканъ превосходнаго янтарнаго вина.

— Не беспокойтесь, — сказалъ онъ, видя мое изумленіе. — Здѣсь вино стоитъ дешевле воды. Вода не выноситъ конкуренціи съ виномъ.

Оказалось, что за долги одного покойнаго извѣстнаго генерала въ Каракуль былъ проданъ его погребъ съ огромнымъ запасомъ хорошо выдержанныхъ винъ.

Продажа совершилась скоропалительно и дубовыя бочки пошли за такую ничтожную плату, что сторожа скупили часть ихъ для соленій почти даромъ, а вино досталось имъ какъ добавочная бесплатная премія.

И запаслись этими бочками для хозяйственныхъ надобностей всѣ служащіе станціи, а съ виномъ торопились раздѣлаться для опорожненія бочекъ подъ соевія и подъ запасы привозимой изда- лска по желѣзной дорогѣ воды.

Разговорился какъ-то съ одной сартянкѣй. Она сильно жаловалась на тяжелое положеніе мусульманскихъ женщинъ, особенно на частое пренебреженіе мужьями своихъ супружескихъ обязанностей.

— Но развѣ ваши мужчины придерживаются воздержаннаго образа жизни и ведутъ себя такъ цѣломудренно? — спросилъ я.

— О, нѣтъ! — послѣдовалъ отвѣтъ. — Наши мужья самый развратный народъ въ мірѣ, но наши женщины не могутъ выдержать конкуренціи съ бачами.

18. Встрѣча съ тигромъ.

Кто не испытывалъ въ своей жизни чувства безпомощности, ужасной безвыходной безпомощности, когда въ смертельной опасности, при сознаніи невозможности избѣжать гибели, волосы отъ ужаса становятся дыбомъ и холодная дрожь пробѣгаетъ по спинѣ.

Пришлось и мнѣ какъ-то испытать это чувство при охотѣ на

кабановъ въ Тедженѣ.

На крутомъ обрывѣ, надъ лужей—водоемъ дикихъ животныхъ я забрала въ секретъ—небольшое углубленіе съ полуаршиннымъ землянымъ барьеромъ впереди. Мѣста было довольно лишь для того, чтобы плотно уѣсться.

Луна быстро скрывалась и тѣни ложились все гуще. Впереди меня за бѣлѣвшей лужей на зѣромъ фонѣ земли чернѣли оголенные кусты саксаула.

Бросивъ окурокъ послѣдней папирасы, я заложилъ патронъ въ винтовку и замеръ, внимательно устремивъ свои взоры на темнѣвшіе кусты.

Тишина была поразительная. Ни одного звука, никакихъ слѣдовъ жизни! Все точно замерло. Отъ глубокой тишины буквально шумѣло и звенѣло въ ушахъ. Иногда являлись обманчивые звуки и мнѣ чудились голоса людей и лай собакъ.

Только изрѣдка тишина нарушалась испуганнымъ криканьемъ дикой утки, вспугнутой въ недалекихъ камышахъ, да какимъ-то шорохомъ въ кустахъ и какъ будто чьими-то шагами.

Холодъ крѣпнулъ и при моей неподвижности сильно меня яробирала. Стволъ винтовки прилипалъ къ пальцамъ и руки затекало.

Прошелъ часъ. Вдругъ издалека донесся рѣзкій тоскливый дѣтскій плачь. Рыданіе усилилось, прозвѣяло въ воздухъ и замерло. Съ противоположной стороны ему отвѣтилъ громкій жаяобный вой, со всѣхъ сторонъ, сзади меня и сзади, вдалекѣ и вблизи завывали тѣ-же голоса и весь воздухъ наполнился тоскливыми завываніями плачущихъ шакаловъ.

На душѣ становилось жутко. Шагахъ въ пяти надо мной тоже завывалъ было шакаль, но сразу смоякъ, вѣроятно, почувавъ меня.

Прошло еще съ полчаса. Шакалы то замолкали, то вновь дружно принимались вторить другъ другу.

Вдругъ впереди меня что-то какъ будто ухнуло.

Внимательный взоръ мой замѣтилъ за лужей какое-то раздвоеніе кустовъ. Къ водоему осторожно подбиралось стадо кабановъ.

Я насторожился и ждалъ. Надъ раздѣломъ не болѣе десяти саженъ, но цѣлить было трудно, такъ какъ мракъ сгустился, а промахнуться было жаль.

Кабаны остановились, сдѣлали еще шагъ, другой, опять остановились, характерно ухая.

Еще шагъ и я поднималъ винтовку. Мушки за темнотою не было видно, но теперь цѣль была достаточно велика и ясна и я не боялся промаха.

Я осторожно нацѣлился и уже готовъ былъ нажать спускъ, какъ картина неожиданно рѣзко измѣнилась.

Все стадо кабановъ разомъ ухнуло, круто повернулось и моментально исчезло въ заросляхъ. Я подумавъ было, что они меня почували, но вой шакаловъ тоже какъ-то сразу замеръ и вновь наступила гнетущая тишина.

Не понимая причинъ этого явления, я хотѣлъ уже выйти изъ за защиты, какъ ужасная мысль промелькнула у меня въ головѣ. Не почували-ли кабаны и шакалы какого-либо иного хищника, да при томъ самаго страшнаго въ Тедженскихъ заросляхъ. Не ус-

пѣлъ я объ этомъ подумать, какъ на ниву направо, шагахъ въ семи отъ меня обрисовалось что-то безформенное.

Тихо пронеслось урчаніе и я уже не сомнѣвался, что предомною или тигръ, или барсъ, которыхъ раньше мнѣ рѣдко приходилось встрѣчать, да и то или убитыхъ, или вмѣсто ковра въ кабинетѣ.

Положеніе было отвратительное. Хотя я зналъ, что тигръ безъ вызова рѣдко нападетъ на людей, но тутъ я являлся ему помѣхой на водопой. Стрѣлять было опасно, такъ какъ рана могла его побудить на опасный для меня прыжокъ и притомъ я остался-бы безоружнымъ, не успѣвъ вновь зарядить винтовку.

Сердце у меня сильно заколотилось и замерло. Я тщетно выжидалъ, чтобы двѣ точки свѣтящихся глазъ остановились-бы на мигъ противъ меня и разда два нацѣливался, но проклятой мушки не было видно.

Вотъ наконецъ свѣтящіяся точки остановились—звѣрь видно замѣтилъ меня и приѣлъ.

Сознаніе, что единственный путь у меня остался только къ низу въ пасть тигра, а за несимѣніемъ мѣста я не могъ даже дѣйствовать винтовкой, какъ палицей, наполнило мою душу ужасомъ; я ясно ощущалъ, какъ волосы зашевелились на головѣ и стали подниматься.

Еще моментъ и я въ паническомъ страхѣ, уже не цѣлясь, нажалъ спускъ.

Оглушительный выстрѣлъ и скачекъ звѣря слились въ одно время, а я быстро скатился черезъ край барьера къ лужѣ, не выпуская изъ рукъ разряженной винтовки.

Окрестность сразу наполнилась разными звуками. Разомъ возобновилась со всѣхъ сторонъ вой шакаловъ, близко закричали испуганные утки, фиркнули изъ кустовъ фазаны, а я стоялъ растерянный, забывъ даже заложить свѣжій патронъ.

Скоро изъ соседнихъ секретокъ на выстрѣлъ приближали мои товарищи и я, еще не вполне оправившись отъ испуга, объяснилъ имъ въ чемъ дѣло.

Мы осторожно подошли къ тому мѣсту, гдѣ я видѣлъ тигра или барса. При свѣтѣ свѣчного огарка мы разобрали струю свѣже-брызнувшей крови, а шаговъ черезъ пять еще кровяное пятно. Слѣдовъ-же среди массы кабаньихъ отпечатковъ мы разобратъ не могли.

Охота была испорчена. Наступилъ полный мракъ и ждать вновь кабановъ было бесполезно.

Разыскавъ въ заросляхъ лошадей мы, продрогшіе и напуганные отправились домой.

19. Случай съ тигромъ.

Сидѣлъ я у знакомаго офицера въ Петро-Александровскѣ. Разговорились объ охотѣ на кабановъ. Онъ сообщилъ мнѣ, что деньщикъ его съ раннего утра отправился на охоту и къ ночи долженъ былъ возвратиться. Было уже часовъ одиннадцать ночи.

Въ это время явился и самъ деньщикъ, здоровый крѣпкій увалень—хохоль.

— Такъ что Ваше Благородіе, позвольте взять подмогу.

— Для чего тебѣ? — спросилъ офицеръ.

— Да тамъ, за околицей какую-то кошку убилъ, самъ не могъ притащить.

— Хорошая кошка должно быть

была! Офицеръ заемяся и послалъ деньщика спать.

Рано утромъ я пришелъ снова къ нему и на дворѣ увидѣлъ убитаго тигра рѣдкой красоты. Аршиновъ двухъ безъ хвоста, тигръ лежалъ во всей красѣ своей полосатой желтой съ чернымъ шкуры. Всеу онъ былъ неимовѣрнаго.

Наивный деньщикъ стоялъ тутъ же и дивился, какого звѣря ему довелось прихлопнуть.

— Ну кабы видалъ, что такая звѣрюка, я бы утикъ отъ его. А то иду я себѣ да шагахъ въ пяти и наткнулся на него. Темень такая, что и разобрать ничего нельзя. А только онъ заурчалъ я наугадъ и пальнулъ. Да ловко попалъ, сразу и свалился. Подхожу и не разберу, что оно такое. Собака, не собака, кошка, не кошка, а больше на кошку похожа. Хотѣлъ поднять, да куда тебѣ. Еле сегодня съ товарищами доволокли. Да только чортъ его знаетъ, чи можно его бить.

Долго потомъ Истро-александровцы потрунивали надъ наивнымъ хохломъ, а за околицу одиночками все-таки ходить нобавались.

20. Случай съ тигромъ.

Я посѣтилъ его въ лазаретѣ. Странно было видѣть на излеченіи вполне здороваго солдата съ умными осмысленными глазами.

На все вопросы онъ силился что-либо отвѣтить, но языкъ ему не повиновался. Онъ онѣмѣлъ.

Я подложилъ ему бумагу и карандашъ и попросилъ его описать встрѣчу его съ тигромъ.

Заскоружными пальцами съ большимъ трудомъ онъ вывелъ свои каракули.

„Такъ что мы съ нашимъ фельдфебелемъ шли себѣ веретахъ въ

2 отъ Керки, только вдругъ шагахъ въ десяти видимъ огромнѣющаго тигра. Не успѣлъ я перекреститься, а онъ какъ прыгаетъ, да на фельдфебеля. Я увидѣлъ только, какъ половина черепа у товарища отлетѣла. Самъ повернулся, да пошелъ себѣ тихонько до города. Иду, ни о чемъ не думаю. Пришелъ въ казарму, никому ничего не сказалъ, да легъ спать. Утромъ, думалъ, скажусь по начальству. Пришелъ утромъ, хотѣлъ доложить, а языкъ стнялся. И вотъ третій мѣсяць маюсъ по лазаретамъ“.

Просто, обыденно, буднично, а сколько ужаса въ этой катастрофѣ и что пережилъ этотъ солдатикъ за тѣ секунды, что онъ видѣлъ тигра и тотъ часъ, который онъ брелъ себѣ потихоньку въ казарму, не отдавая себѣ отчета въ случившемся.

21. Чудесные камни.

Веретахъ въ тридцати отъ станціи Посѣтовка въ высокихъ горахъ скрывается кишлакъ Гудасъ. Замѣчательнъ онъ какъ своимъ красивымъ мѣсторасположеніемъ, такъ и тѣмъ, что три четверти года въ кишлакъ остаются только старики, женщины и дѣти. Подобно тому, какъ армянина изъ Акулисъ можно встрѣтить во всехъ частяхъ свѣта, такъ и взрослога гудасца вы найдете разсѣянными по всему Туркестану, то въ видѣ купца, то ремесленникомъ или рабочимъ.

Благодаря приливу сбереженій, стекающихся въ Гудасъ, кишлакъ является однимъ изъ самыхъ богатыхъ въ краѣ.

Я давно интересовался этимъ царствомъ женщинъ и улучивъ свободное время, поѣхалъ туда верхомъ, переправившись на паромѣ чрезъ Сыръ-Дарью.

Отъ подножія горы пришлось вереть шесть едѣлатъ по широкому ущелью, гдѣ, журча и шумя, скатывались холодныя струи горной рѣченки.

Каменистыя горы были совершенно голы, а русло рѣченки было усыяно небольшими разноцвѣтными гальками.

На срединѣ подъема до обѣ стороны ручья были террасообразно расположены карликовые засѣянные участки. Огромный трудъ былъ повидимому затраченъ на созданіе этихъ террасокъ и уходъ за ними. Почва была тщательно раздѣлана въ ручную и выровнена, огороженная защитными полуаршинными барьерами.

Для созданія этихъ площадокъ на каменистыхъ откосахъ горы понадобился египетскій трудъ не одного поколѣнія трудолюбивыхъ работниковъ и тѣмъ болѣе меня поразила небрежность, съ какой площадки были довольно густо засорены галькой разныхъ цвѣтовъ, размѣромъ до добраго кулака.

Казалось, никакого труда не стоило собрать гальку руками и тутъ-же сбросить по откосу внизъ.

Съ такого рода замѣчаніемъ я и обратился къ ветрѣчному мѣстному туземцу.

Онъ взглянулъ на меня, посмотрѣлъ на раздѣланныя площадки и поѣхалъ дальше, пробормотавъ: „Нельзя снимать, эти камни земля силу даютъ“.

Я посмѣялся надъ косностью и суевѣріемъ туземцевъ и на цѣлый годъ забылъ объ этомъ случаѣ.

Весной слѣдующаго года мнѣ пришлось быть въ окрестностяхъ знаменитаго своими урюковыми садами кишлака Исфара, когда-то центръ нашего административнаго управленія краемъ. Ис-

фара отпускаетъ на рынокъ сотни тысячъ пудовъ сушенаго ароматнаго, сладкаго абрикоса и урюковыхъ оголенныхъ ядеръ, идущихъ въ десяткахъ тысячахъ пудахъ на замѣщеніе миндаля въ російскихъ кондитерскихъ и даже чрезъ Марсель въ западную Европу.

Отдохнувъ на берегу быстро текущаго, шумящаго Исфара-Сая, пересѣкающаго кишлакъ пополамъ, я скоро очутился на извилистой горной тропинкѣ. Мой конь все время спотыкался о разноцвѣтную гальку, густо усыпавшую дорожку.

Отѣхавъ вереть пять, я наткнулся на группу сартовъ, производившихъ какую-то странную работу. Грубыми скребками они скребли поверхность небольшой скалы и отдѣлявшіеся камешки величиной въ крупный горохъ бережно собирали и складывали въ мѣшки. Снимали они легко отдѣляющійся верхній сѣрый вывѣтрившійся слой и затѣмъ переходили на слѣдующую скалу.

Работа была кропотная и продукція самая ничтожная.

Мое любопытство было задѣто и я, конечно, спросилъ, для чего имъ понадобился этотъ каменный горохъ.

— Это пойдетъ на пашни, — послѣдовалъ отвѣтъ, — потому что этотъ камень земля силу даетъ.

Я тотчасъ вспомнилъ Гудасъ и на этотъ разъ уже не разсмѣялся.

Очевидно я имѣлъ дѣло съ природнымъ фосфоритомъ, а туземцы многолѣтнимъ, быть можетъ многолѣтнимъ, бессознательнымъ путемъ случайныхъ опытовъ пришли къ убѣжденію въ пользѣ этого каменнаго удобрения.

Объ этомъ интересномъ случаѣ

я какъ-то разговорился съ приставомъ въ Канибабамъ. Оказалось, что онъ тоже обратилъ вниманіе на эти фосфориты и послалъ даже образцы разноцвѣтныхъ галекъ для изслѣдованія въ управленіе земледѣлія въ Ташкентъ.

— А что - же управленіе? — На это я отвѣта не получилъ въ теченіи трехъ лѣтъ. Знаю лишь, что вся богатѣйшая ферганская долина добываетъ послѣдніе соли изъ своихъ истощенныхъ земель, засыпаетъ ее землею съ курганчей вмѣсто удобренія; исфаринцы - же и гудасцы изъ года въ годъ богатѣютъ своей плодородной землей, надъ которой незримо витаетъ перефразъ безсмертныхъ словъ Франклина: „Здѣсь удобрено камнемъ“.

22. Nolle me tangere.

Сколько трусливаго страха, малодушія, опасенія, боязни высказывается въ этой короткой фразѣ: „Не тронь меня“. Очевидно слишкомъ часто и очень больно человѣкъ безъ нужды причиняетъ человѣку зло, ибо человѣкъ человѣку врагъ, и какъ крикъ слабдаго, обиженнаго, беззащитнаго вырывается этотъ вопль безсилія.

„Не тронь меня и я тебя не трону“. Это выраженіе принадлежитъ вооруженному безсилію, боящемуся самому перейти въ наступленіе, но оберегающему свой покой, свое положеніе, свое „я“ отъ посягательства со стороны другихъ, болѣе сильныхъ, болѣе наступательныхъ, болѣе активныхъ.

„Берегись, расшибу!“ — кричитъ активный элементъ, расчищая себѣ дорогу, сбрасывая все и всехъ со своего пути, цѣльное и безцѣльное, съ надобностью или безъ надобности.

Въ этихъ субъективныхъ различіяхъ, въ дѣленіи на слабыхъ и сильныхъ, пассивныхъ и активныхъ, бьющихся и избиваемыхъ сказывается всецѣло *человѣческая* сторона человѣка.

Это отличіе культурнаго словѣчка отъ дикаго звѣря. Дикіе животные все активны, все сильны, вооружены, но по исконной натурѣ все они добры, благоразумны, благородны и ихъ пассивность въ отношеніи рѣдкихъ активныхъ выступленій есть признакъ доброты и сознанія своей силы. Безъ крайней необходимости, безъ лютаго голода они не обращаютъ своего подчасъ страшнаго оружія не только противъ своего единокровнаго родича, но даже противъ своего кровнаго врага.

Спуститесь еще ниже въ царство грозныхъ представителей міра насѣкомыхъ.

Кого мы — туркестанцы считаемъ самыми отвратительными, самыми недріятными и страшными изъ насѣкомыхъ? Кого изъ насѣкомыхъ мы болѣе всего страшимся, чей ядъ кажется намъ самымъ сильнымъ и смертоноснымъ и кого мы безъ всякой надобности убиваемъ при каждой встрѣчѣ?

Это фаланга — огромный покрытый шерстью паукъ и голый коленчатый скорпіонъ!

А присмотритесь къ нимъ немного ближе, благо они живутъ вмѣстѣ съ вами, подъ вами, надъ вами, вокругъ васъ, ѣдятъ съ вашего стола, дышатъ съ вами однимъ воздухомъ, забираются къ вамъ подъ платье, въ постель, переползаютъ по вашему сискоинному во снѣ лицу.

Присмотритесь къ нимъ и вы кореннымъ образомъ измѣните

ваше о нихъ мнѣніе.

И фаланга и скорпионъ сильны и страшно вооружены они—эти маленькія животныя даже противъ тебя, огромный человекъ! Если—бы ихъ пропорціонально увеличить до твоихъ размѣровъ, то для одолѣнія одного скорпиона потребовался-бы баталіонъ, а на одну фалангу цѣлый корпусъ вооруженныхъ солдатъ.

А между тѣмъ въ дѣйствительности они безобидны, добры, безвредны, не только для своихъ сородичей, но и для тебя, человекъ. Но ихъ доброта потому доброта и ихъ безвредность потому безвредность, что они дѣйствительно сила и сознаютъ свою силу. *Не трогайте ихъ* и вы всю жизнь проживете съ ними мирно и дружески, забывая объ ихъ страшномъ вооруженіи.

Но только попробуйте посягнуть на ихъ мирное существованіе, на ихъ беззлобное мирное населеніе, задѣньте ихъ интересы, посягните на ихъ свободу и они однимъ моментальнымъ ядовитымъ ударомъ или укусомъ причинятъ вамъ такія нестерпимыя мученія и страданія, что вы отъ боли заплещете и крикнете: „не трону тебя“.

23. Андижанская рѣзня.

Андижанская вспышка, или какъ ее называли народное возстаніе, заставила многихъ серьезно задуматься; то что въ немъ преимущественно участвовали, считающіеся фанатичными, сарты—народъ спокойнаго, мирнаго и даже трусливаго склада и незначительнаго присутствіе между ними горныхъ киргизовъ, могшихъ спуститься съ Алайскихъ горъ массою и залить Фергану огнемъ и кровью, дало основаніе считать главной причиной вспышки на-

родный фанатизмъ, тѣмъ болѣе, что во главѣ возставшихъ стояли муллы и ишаны.

Винтовка, висѣлица и Сибирь быстро утомили болѣе строптивый элементъ возставшихъ, а остальные также быстро возвратились къ своимъ обычнымъ занятіямъ и снова рѣка жизни безмятежно потекла; но легкіе всплески изрѣдка указываютъ, что въ глубинѣ водъ не все спокойно, что тамъ есть скрытныя глубины, изъ коихъ первая—же буря можетъ вызвать на поверхность дремлющія силы.

Кто можетъ поручиться, что завтра, послѣ завтра, чрезъ годъ при первомъ ослабленіи вниманія со стороны администраціи и войскъ, вспышка вновь не повторится!

Говорятъ, суровое наказаніе надолго вселило народу благодѣтельный страхъ. Но развѣ вся исторія среднеазиатскихъ ханствъ не доказываетъ наглядно, что страхъ даже на этотъ трусливый народъ никогда не оказывалъ особеннаго вліянія! Кровавыя расправы за все время исторіи ханствъ влекли за собой новыя возстанія, смѣнявшіеся опять потоками усмиряемой крови. Вся исторія азиатскихъ народовъ состоитъ изъ непрерывныхъ кровавыхъ возмущеній и не менѣе кровавыхъ усмиреній.

Говорятъ, что русская культура вліяетъ размягчающимъ образомъ на азиатскіе грубые нравы и уменьшаетъ народный фанатизмъ. Но развѣ выяснено съ достаточной достовѣрностью, что нравы средне-азиатскихъ туземцевъ такъ гру-

бы и насколько эти нравы грубѣе нравовъ ихъ завоевателей? И неужели обиліе охотниковъ изъ туземцевъ, предложившихъ

свои услуги для экзекуціи надъ Минь - Тюбинскимъ ишаномъ и его сподвижниками, не заставило задуматься надъ степенью фанатизма азіатскихъ мусульманъ!

Полагають, что организованное наблюдение надъ дѣятельностью мулль, ишановъ и дервишей и уменьшение ихъ числа путемъ выселеній уменьшить враждебное къ намъ отношеніе коренныхъ мусульманъ и этимъ предотвратятся религіозныя вспышки. Но можно-ли съ увѣренностью утверждать, что андижанское возстаніе имѣло исключительно религіозное основаніе, что народъ дѣйствительно находился подъ такимъ вліяніемъ мулль и что одного ихъ знака достаточно, чтобы превратить мирныхъ пахарей въ свирѣпыхъ лисдождовъ.

Другіе думаютъ, что общее гуманитарное направленіе нашего административнаго управленія краемъ вызоветъ благодарность населенія и укрѣпитъ ихъ мирный строй. Но развѣ вспышка въ Андижанѣ не произошла въ періодъ самаго мягкаго и гуманнаго отношенія русскаго правительства къ туземцамъ, отношенія не рѣдко въ ущербъ русскимъ, вызывавшаго неоднократно жалобы русскихъ на умаленіе ихъ правъ въ Туркестанѣ къ вящей пользѣ и выгодамъ для туземцевъ? Таковы земельные и землевладѣльческіе вопросы и проч.

Упраздненіемъ выборнаго права и замѣщеніемъ выборныхъ народныхъ властей назначаемыми администраціей, предполагалось создать классъ вліятельныхъ и благодарныхъ намъ лицъ между туземцами, на усердіе и преданность коихъ можно бы было полагаться. Но развѣ предварительно озаботились соотвѣтственной

нравственной и умственной подготовкой создать подходящій типъ народныхъ правителей! Стоитъ только ближе вѣмотрѣться къ нынѣшнему личному составу назначенныхъ народныхъ управителей, чтобы въ большинствѣ изъ нихъ узнать самый отрицательный туземный элементъ, состоящій изъ развращенныхъ отребьевъ городского туземнаго люда и всякаго рода сельскихъ интригановъ и кулаковъ, оказывавшихъ русской администраціи нерѣдко весьма сомнительныя услуги и тѣмъ пріобрѣвшіе ихъ довѣріе и благоволеніе. Бывшіе джигиты, любимцы-переводчики, хлѣбосо-лы-охотники, казенные подрядчики и поставщики пестрятъ между минбашами и аксакалами. Это элементъ личной наживы, свирѣпыхъ хищниковъ и льстивыхъ угождителей тѣмъ, отъ коихъ зависитъ ихъ имущественная и служебная судьба, но это далеко не олотъ для нашего управленія краемъ.

Надѣются, что назначеніе большаго количества участковыхъ приставовъ дастъ возможность администраціи имѣть лучшее наблюдение за населеніемъ, но результаты наблюденія приставовъ достаточно извѣстны изъ Минь-тюбинской исторіи, гдѣ въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Минь-Тюбе—очагомъ возстанія постоянно проживали два участковыхъ пристава.

За Алайскихъ киргизъ успокоились и покойная опальная Алайская царица получила почетный халатъ за миролюбивое отношеніе горныхъ киргизовъ во время рѣзни, но кто можетъ съ увѣренностью сказать, что ихъ мирное настроеніе не вызывалось ожиданіемъ первыхъ результатовъ

возстанія въ долинь и что въ случаѣ перваго успѣха андижанцевъ не потребовалось бы новыхъ Скобелевыхъ для умиротворенія горцевъ.

Вспыхнулъ и потухъ андижанскій пожаръ; жизнь въ Средней Азии вновь улеглась въ свои берега, а роковые вопросы по прежнему остаются нерѣшенными, управление краемъ остается въ той же формѣ, причины возмущенія и духъ народа также мало выяснены и мы едва ли знаемъ о туземцахъ Средней Азии болѣе, чѣмъ о китайцахъ, неожиданно подарившихъ насъ боксерами, вызвавшими необходимость мобилизовать двусоттысячную армію или о японцахъ съ Ляояномъ, Мукденомъ и Цусимой.

Кто близко сталкивался съ жизнью средне-азиатскихъ туземцевъ, пользовался ихъ относительнымъ довѣріемъ, имѣлъ частое общеніе съ ними, тотъ хорошо знаетъ, что въ краѣ не все обстоитъ благополучно, что причины, вызывающія недовольство населенія, все тѣ же и что повтореніе рѣзни возможно во всякое время, особенно въ случаѣ какихъ-либо пограничныхъ осложненийъ съ соседними мусульманскими народами.

24. Театральный занавѣсъ.

Каждый разъ, что я бывалъ въ городскомъ театрѣ въ Ташкентѣ, до начала спектакля и во время антрактовъ я не могъ оторвать своихъ взоровъ отъ аляповатаго рисунка занавѣса.

Намалеванная картина должно быть изображаетъ весталку передъ жертвенникомъ, а если я не угадалъ смысла изображенія, то это весьма простительно, ибо чѣмъ нелѣпѣе картина, тѣмъ бо-

лѣе пищи она дастъ для фантазіи.

Всматриваясь въ изображеніе двухъ толстыхъ канатовъ, заканчивающихся кистями и въ колѣнопреклоненную фигуру молящейся въ саванѣ, я испытывалъ какое-то тяжелое, смутное, гнетущее чувство, въ которомъ никакъ не могъ отдать себѣ отчета. Это чувство не оставляло меня и послѣ поднятія занавѣса и портило все впечатлѣніе спектакля.

Закутанная въ саванѣ колѣнопреклоненная фигура долго преслѣдовала меня и послѣ спектакля и я тщетно силился объяснить себѣ причины овладѣвавшего мною тяжелого неопредѣленного волненія.

Только недавно, перебирая въ памяти воспоминанія былого и пережитаго, ярко мелькнула предо мною одна тяжелая картина и я сразу понялъ причины вліянія на меня таинственной фигуры занавѣса.

Пришлось какъ-то мнѣ случайно видѣть въ Кокандѣ казнь надъ разбойникомъ - сартомъ. Предо мною была быстро вздернута наверхъ безформенная фигура, закутанная съ ногъ до макушки головы въ бѣлый саванѣ. Фигура судорожно поджала подъ себя ноги и моментъ казалась въ воздухѣ колѣнопреклоненной. Этотъ моментъ неизгладимыми красками запечатлѣлся въ моемъ мозгу и при каждомъ воспоминаніи будетъ преслѣдовать меня тяжелымъ кошмаромъ до конца жизни.

Много жестокихъ казней привелось мнѣ видѣть въ Туркестанѣ на своемъ вѣку; видѣлъ я побитую сухими комками глины женщину въ Бава-Эгдинѣ, зарѣзанныхъ какъ барановъ и потомъ

повѣшенныхъ хивинцевъ, замученнаго въ Бухарѣ убійцу Кази-каляна, избитыхъ и изуродованныхъ подъ палками и камчинами сартовъ, не производя на меня чрезвычайно гнетущее впечатлѣніе и доводя чувствительность нервовъ до высшей степени напряженія, эти казни въ окружающій средѣ и обстановкѣ казались мнѣ какъ-то если не пріемлемыми, то объяснимыми.

Грубые народы—грубыя сцены, дикіе нравы—дикія казни! И сами казнимыя, сохраняя какое-то тупое безмысленное хладнокровіе и безропотно подставляя свою шею, казалось утрачивали видъ разумнаго человѣческаго существа.

Но кокандская казнь происходила при иной обстановкѣ. Азіатская примитивная, на-скоро сколоченная висѣлица со свободно вздергивавшейся петлей и съ палачомъ—туземцемъ, какъ символъ пережитковъ отвратительныхъ былыхъ нравовъ Туркестана рѣзко дисгармонировали съ присутствовавшими руководителями казни—нарядными европейскими представителями офицерства и администраціи.

Въ оконныхъ рѣшеткахъ тюрьмы были видны напряженно всматривавшіяся съ искаженными ужасомъ лицами заключенные—русскіе и туземцы.

Вся эта картина мгновенно во мнѣ фиксировалась во всемъ своемъ ужасномъ контрастѣ—европейской сознательной и созидательной силы при исполненіи азіатскаго дѣянія.

Я пристально взглянулъ въ лица присутствовавшихъ официальныхъ представителей, на ихъ кажущееся внѣшнее хладнокровіе и успѣлъ подмѣтить у нѣкото-

рыхъ нервное подергиваніе мускуловъ лица и затуманенность въ глазахъ—очевидно и они, привыкшіе видѣть всякіе виды, испытывали въ свою очередь все, что можетъ испытать въ подобный моментъ всякій культурный европеецъ, а особенно добродушный и добросердечный по исконной своей натурѣ русскій человѣкъ.

А тотъ, грустное торжество котораго пришли сюда справлять европейцы и азіаты, съ головы до ногъ представлялъ собою какую-то загадочную, таинственную, лишенную человѣческаго образа и вида, фигуру. Точно какая-то гигантская грубо, сработанная кукла, пошатываясь и склоняясь, подталкивалась дрожащими руками палачей къ роковой веревкѣ. А рядомъ стояла еще одна такая-же уродливая, безъимянная, закутанная въ саванъ кукла, ожидавшая своей очереди.

И тамъ съ большимъ ужасомъ чудилось за этимъ саваномъ, присутствіе живого, подобнаго намъ существа, разумнаго въ цвѣтѣ лѣтъ и силъ живого человѣка и тѣмъ болѣе глубокой скорби вызвала эта анонимная фигура, чѣмъ беспомощнѣе и безформеннѣе она билась въ рукахъ палачей.

Стыдь, скорбь и безысходную тоску вызвала во мнѣ вся эта залитая яркими лучами солнца сцена, гнѣвъ и негодованіе противъ возможности такого распоряженія чужой жизнью клокота-ло въ моей груди и эти-же чувства вновь воскресли въ моей душѣ при взглядѣ на занавѣсъ театра.

И вы—всѣ посѣтители ташкентскаго театра, смотрите внима-

тельно на безъимянную фигуру на занавѣсѣ, оглянитесь на все, что творится вокругъ и внутри васъ, поймите, что это не весталка, а приговоренный къ смерти черезъ повѣшеніе живой человѣкъ, быть можетъ вашъ братъ, другъ или вы сами и пусть ваша душа встрепенется тѣмъ священнымъ трепетомъ, при которомъ вы вполнѣ постигнете и поймете огромную цѣну человѣческой жизни и съ ужасомъ осудите всякое насильственное лишеніе человѣка его бытія, откуда-бы и во имя какихъ-бы цѣлей это лишеніе жизни ни шло!

25. Пѣснь прокаженныхъ.

Въ жалкихъ рубищахъ, убоги, отъ живыхъ людей вдали мы ютимся у дороги на краю въ густой пыли. Подъ оборваннымъ покровомъ, въ стужу, холодъ, дождь и градъ мы поемъ и жгучимъ словомъ изливаемъ сердца ядъ. Въ язвахъ гнойныхъ, язвахъ страшныхъ, безъ носовъ, волосъ и глазъ—мы ужасны и опасны всемъ, кто только видитъ насъ. Погребенные заживо, разлагаясь по частямъ, погибая сиротливо, мы страшны себѣ, людямъ!

Кто мы? Звѣри или люди? Есть ли въ насъ душа и умъ? Быютъ ли въ насъ живыя туди? Нѣтъ ли въ насъ тяжелыхъ думъ? И не жгучими ли слезами сердце пылкое полно? То не вѣдаемъ мы сами и не вѣдастъ никто! Даже въ небѣ царь надъ нами позабылъ ужъ насъ давно!

Люди черствые и злые быстро лица отвернуть, люди добрые, простые можетъ быть слезу прольютъ, но какъ тѣ, такъ и другіе мимо насъ скорѣи пройдутъ.

День за днемъ влача уныло у дороги жизнь свою, къ ночи мы

бредемъ постыло въ прокаженную семью. Ждетъ насъ дома не отрада и не радость теплыхъ словъ—намъ въ страданьяхъ тяжелыхъ ада, домъ не домъ и кровь не крови! Тамъ валяясь безъ движенія, не забудемъ мы сломъ и отраднаго забвенія даже ночью не найдемъ. Часъ томительный за часомъ уплываютъ безъ конца и угасшимъ тихимъ гласомъ призываемъ мы Творца. И въ отчаяннѣйшемъ, призывая смертный сонъ, за забвеніемъ могильнымъ вырывается нашъ стоны:

„О пошли Творецъ могучій, смерть какъ даръ, какъ благодать; мы Тебя молитвой жгучей молимъ только—смерть послать!“

26. Визитныя карточки.

Историческія руины Самарканда привлекаютъ на себя вниманіе всего культураго міра. Великолѣпная усыпальница Тамерлана ежедневно посѣщается туристами, учеными изслѣдователями, художниками и просто любопытными.

Представители всехъ народовъ личнымъ посѣщеніемъ воздали должное браннымъ останкамъ свѣточа былого величія мусульманскаго востока.

Каждый посѣтитель благоговѣнно проникаетъ подъ изразцовые своды мавзолея и съ душевнымъ волненіемъ приближается къ знаменитому черному исфриту надъ останками Тимура-Курагана.

И каждый посѣтитель чѣмънибудь отмѣчаетъ свое посѣщеніе.

Нѣмецъ роеписывается карандашомъ на яшмовой стѣнѣ. Итальянецъ оставляетъ тамъ-же безымянное двустегице. Французъ тайкомъ покупаетъ у стерегущихъ мулъ пару лазуревыхъ израз-

цовъ. Англичанинъ норовить въ тихомолку стащить отбитый кусокъ изразца и секретно прицѣнивается у мулль, за какую сумму можно было-бы увезти контрабандно въ Лондонъ или безцѣнный намогильный нефритъ, или богатѣйшую яшмовую облицовку стѣнъ мавзолея, или самые останки великаго завоевателя.

Много лѣтъ назадъ я часто бродилъ по руинамъ Самарканда и цѣлыми часами сѣдался подъ прохладными сводами могилы Тамерлана, обуреваемый наплывомъ многосложныхъ думъ. Муллы меня знали и спокойно сидѣли у портала входа, оставляя меня одного съ моими мыслями у гроба великаго завоевателя.

Недавно я снова посѣтилъ усыпальницу бранныхъ останковъ Тимура, но за мною неотступно слѣдовали двое мулль, тщательно слѣдившихъ за каждымъ моимъ шагомъ и движеніемъ. Я спросилъ ихъ о причинахъ ихъ подозрительнаго отношенія.

Извиняясь за свой неотступный надзоръ, они объяснили мнѣ, что не такъ давно посѣтилъ ихъ одинъ пріѣзжій и пользуясь тѣмъ, что его никто не сопровождалъ, осквернилъ усыпальницу, оставивъ у самой рѣшетки около нефрита гнусную память, какъ-бы свою визитную карточку въ воспоминаніи о своемъ посѣщеніи.

Нужно-ли было спросить, къ какой народности принадлежалъ этотъ туристъ!

Какъ и всякій проѣзжающій Энзели въ Персию я не преминулъ и во второй разъ посѣтить лѣтній дворецъ Персидскаго Шаха.

Великолѣпная, ажурная пятиэтажная постройка восьмиугольной формы была защищена снаружи чѣмъ-то вродѣ коробки изъ

камыша. Каждый этажъ состоялъ изъ одной огромной восьмиугольной комнаты, при чемъ въ каждой грани размѣшалась еще одна маленькая ниша—комната, выходящая на наружный балконъ, окаймляющій кольцами въ четыре ряда все зданіе.

Все европейцы, проѣзжая въ Тегеранъ чрезъ Баку имѣютъ маршрутъ на Энзели, котораго ни одинъ изъ нихъ не минуетъ, не посѣтивъ своеобразнаго дворца Шаха. Пассажиры съ русскихъ судовъ и пароходовъ и ихъ команды также часто бываютъ во дворцѣ и поэтому чрезъ дворецъ постоянно дефилируетъ масса лицъ.

Когда я пришелъ туда, тамъ было уже челоуѣкъ семь русскихъ и иностранцевъ.

Обозрѣвъ четыре этажа съ комнатами, совершенно лишенными мебели, но украшенными стѣнными фресками и потолочными украшениями, искусно сооруженными изъ кусочковъ зеркаль, я хотѣлъ взойти на пятый этажъ, но дверь оказалась запертой.

Я помнилъ въ первое свое посѣщеніе, что тамъ была единственная во всемъ дворцѣ меблированная комната и весь восьмиугольный огромный залъ былъ покрытъ колоссальнымъ французскимъ ковромъ дивной красоты.

На мой вопросъ почему дверь на верхъ заперта, проводникъ сообщилъ мнѣ, что туда не разрѣшаютъ входить туристамъ съ то-

го времени, какъ какой-то посѣтитель съ какого-то парохода, воспользовавшись тѣмъ, что съ нимъ не пошелъ на верхъ проводникъ, оставилъ на великолѣпномъ коврѣ зловонный слѣдъ своего присутствія, какъ-бы визитную карточку о своемъ посѣщеніи.

Нужно - ли было спросить, къ какой народности принадлежалъ этотъ туристъ!

27. Дурака и въ церкви бьютъ.

Долго добивался восточный ханъ разрѣшеніи у короля—своего сюзерена пріѣхать къ нему въ столицу. Наконецъ желанная вѣсть пришла и начальникъ телеграфа самъ поскакалъ къ хану съ долгожданной телеграммой. Ханъ несказанно обрадовался, осыпалъ добраго вѣстника серебромъ и одѣлъ на него нѣсколько драгоценныхъ халатовъ.

Векипѣло сердце у придворнаго докладчика, одолѣла его жадность и рѣшилъ онъ все телеграммы отъ короля самъ передавать своему повелителю.

Какъ-то ханъ сталъ хлопотать о томъ, чтобы король пріѣхалъ

къ нему въ гости. Долго онъ ждалъ отвѣта и наконецъ изъ столицы пришла вѣсть телеграммой. Послалъ начальникъ телеграфа бумагу съ простымъ телеграфистомъ.

Не допустилъ придворный докладчикъ вѣстника къ хану, отобралъ депешу и быстро побѣжалъ къ повелителю.

Прочелъ ханъ депешу, насупился какъ грозная буря, велѣлъ снять съ вѣстника нѣсколько халатовъ и тутъ-же ему выпали якъ-камчи—59 горячихъ ударовъ толстой нагайкой по обнаженной спинѣ.

Съ тѣхъ поръ этотъ придворный потерялъ интересъ къ телеграммамъ и депеши хану доставлялись то начальникомъ телеграфа, то простымъ телеграфистомъ.

И глядя на доставщика телеграммы все придворные уже знали, добрая или худая пришла вѣсть и будетъ-ли ханъ веселъ,

добръ и щедръ на подарки или грозенъ и страшенъ и щедръ на плети и палки.

28. Библиотека Тамерлана.

Великій завоеватель и просвѣтитель мусульманской Азіи—Тамерланъ возвелъ Самаркандъ на высшую степень внѣшняго великолѣпія, внутренняго порядка и благоустройства, и расцвѣта просвѣщенія, промышленности и торговли.

Благодаря полной безопасности передвиженія, толерантности самого Тимура и его окружающихъ, свободы въ религіозныхъ отправленияхъ всехъ народностей, Самаркандъ явился центромъ поселенія и наѣзда предприимчивыхъ промышленниковъ и энергичныхъ ученыхъ со всехъ окраинъ Европы, Азіи и Африки.

На площадяхъ, въ торговыхъ сараяхъ и въ многочисленныхъ библиотекахъ Самарканда пребывало огромное количество ученыхъ, купцовъ и ремесленниковъ изъ Персіи, Кашгара, Китая, Индіи, со всей Азіи. И тутъ-же основывали свои факторіи европейскіе купцы изъ далекаго Генуэза, туареги изъ Аравійскихъ песковъ или негры изъ Сенегамбіи и съ Нила.

Каждая народность приносила на алтарь Самаркандскихъ источниковъ просвѣщенія свои дары и благодаря этому въ Самаркандѣ создалось огромное количество богатѣйшихъ библиотекъ, между коими самымъ драгоценнымъ и единственнымъ въ своемъ родѣ было колоссальное книгохранилище въ одномъ изъ дворцовъ Тимура.

Умеръ великій Тамерланъ. Прошли немногіе годы и все имъ созданное рухнуло и утонуло въ вихрѣ новыхъ событій. Городъ

упалъ, иностранцы погибли, разбѣхались или приняли исламъ и чрезъ Самаркандъ покатались новыя волны передвиженія народовъ.

Среди общаго крушенія погибла и знаменитая въ то время во всемъ мѣрѣ безцѣнная библиотека Тамерлана. Слѣдовъ ея нигдѣ не оказалось и куда она сокрыта никто не знаетъ—исторія твердо скрываетъ свою тайну.

Но народъ не забылъ эту книжную сокровищницу. Чрезъ пятьсотъ лѣтъ до нашихъ дней изъ поколѣнія въ поколѣнїе, дошла до насъ легенда о сокрытіи въ одной изъ пещеръ, въ окрестностяхъ Самарканда огромнаго количества книгъ, манускриптовъ и папирусовъ, которыя Тамерланъ бережно собиралъ во всѣхъ своихъ походахъ и отправлялъ въ свой дворецъ какъ самую драгоценную добычу.

Отрадой и отдыхомъ для Тимура служила его книжная сокровищница. Но часто онъ задумывался о бренности всего сущаго, тревожно заглядывалъ въ ближайшее будущее поглѣ своей смерти и нерѣдко спрашивалъ себя, найдутся-ли послѣ него достаточно сильныя умы, чтобы сумѣть понять и оберечь все созданное имъ великолѣпнѣ Самарканда.

И самой серьезной изъ тревогъ была забота о его колоссальномъ книгохранилищѣ.

Долго думалъ онъ о будущей судьбѣ своихъ книгъ, наконецъ вызвалъ къ себѣ знаменитаго и славнаго астролога и повѣдалъ ему свои сокровенныя думы.

Астрологъ молча поглядѣлъ на своего повелителя и подъ его пристальнымъ взоромъ глаза Тамерлана затуманились, закрылись и какъ сквозь сонъ онъ

увидѣлъ страшную картину.

Великолѣпная Александрія со всѣхъ сторонъ была объята пламенемъ, и не вдалекѣ отъ нея на золотомъ тронѣ возсѣдалъ могучій халифъ. У ногъ его лежали придворные и молили его опощадѣ знаменитой александрійской библиотеки. И Тимуръ услышалъ тихій и повелительный отвѣтъ халифа:

„Все, что есть истиннаго и хорошаго во всей этой библиотекѣ имѣется и въ коранѣ. А чего нѣтъ въ коранѣ, то нехорошо и неистинно. Поэтому ежечь до тла и это бесполезное хранилище книгъ“.

И взвилось высокое пламя выше всѣхъ высочайшихъ колоннъ города и подъ рухнувшимъ зданіемъ погибли всѣ книги, собиравшіяся въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ ученѣйшими сынами всего востока.

Вздрогнулъ Тамерланъ, но страшная картина уже окуталась густымъ дымомъ, въ которомъ онъ сталъ смутно различать другіе виды.

И вотъ передъ нимъ вырисовались какія-то огромныя руины. И только по знакомымъ изразцамъ онъ узнавалъ свои роскошныя дворцы. И увидѣлъ онъ свой каменный тронъ—кокь-ташь, окруженнымъ желѣзной рѣшеткой, вокругъ которой непринужденно размѣщались гяуры и озкверняли его тронный залъ.

Повелъ Тимуръ взоромъ далѣе къ руинамъ Шахъ-Зинде и увидѣлъ онъ картину, отъ которой сердце его залилось кровью. Подъ полуразрушенными сводами безбожный мулла получалъ горсть серебра и передавалъ гяуру самую крупную драгоценность всего его царства, драгоценность за сохраненіе которой Тимуръ хо-

тѣль-бы разрушить полміра; въ руки гяура переходилъ его настольный другъ и совѣтчикъ, его знаменитый коранъ, на поляхъ коего была пролита священная кровь Али.

Гнѣвно вскочилъ Тамерланъ, но смутное видѣніе уже исчезло и только астрологъ стоялъ невозмутимо въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній.

Нахмурился грозный повелитель, заперся на трое сутокъ въ отдаленнѣйшей комнатѣ своего дворца въ глубокой задумчивости. Мрачнѣе бури вышелъ онъ на четвертую ночь, собралъ девяносто девять самыхъ вѣрныхъ слугъ своихъ и выѣхалъ съ ними за городъ.

Девять дней подрядъ укладывалъ онъ своихъ вѣрныхъ слугъ спать въ своемъ огромномъ залѣ, не отпуская ихъ отъ себя ни на шагъ. Самъ-же онъ ни на минуту не сводилъ съ нихъ своихъ глазъ, бодрствуя день и ночь въ теченіе всѣхъ девяти сутокъ.

А съ наступленіемъ темноты, когда весь живой людъ укладывался на покой и на улицахъ появлялись только тѣни мертвыхъ грѣшниковъ, каждый вечеръ отправлялся Тимуръ со своей дружиной въ гайнетвенную экспедицію.

Вырылъ онъ въ горѣ огромную пещеру, выложилъ ее кирпичомъ на гажі, какъ на цементъ, оставя лишь узкій входъ, чрезъ который съ трудомъ могъ проникать одинъ человекъ.

Чрезъ девять сутокъ пещера была готова, а затѣмъ въ теченіе еще двадцати семи ночей Тимуръ со своими вѣрными слугами тщательно и бережно перенесли туда всѣ книжныя сокровища, которыя собиралъ Тамерланъ всю свою жизнь во всѣхъ походахъ,

оставя себѣ только своего ближайшаго друга, единственнаго друга, въ котораго онъ всецѣло вѣрилъ — драгоценный коранъ Али.

Закончилъ онъ свою огромную работу; въ послѣднюю ночь зашелъ съ дружиной проститься со своимъ дѣтищемъ — дивной библіотекой. Долго онъ стоялъ нахмуренный предъ безцѣнными источниками науки и свѣта и послѣднія его слова, которыя слышали его вѣрныя слуги, были: „да будутъ - же они погребены здѣсь изъ поколѣнія въ поколѣніе, изъ рода въ родъ, до тѣхъ поръ, пока на землѣ будутъ существовать зло и невѣжество, злоба и ненависть“.

Тихо вышелъ Тамерланъ изъ пещеры, могучими руками заложилъ входъ огромнымъ камнемъ и забросалъ землей послѣдній слѣдъ погребенія его безцѣннаго сокровища и девяноста девяти при нихъ стражниковъ, своихъ вѣрныхъ дружинниковъ.

Изъ поколѣнія въ поколѣніе усердно ищутъ туземцы Самарканда эту пещеру и не находятъ никакихъ слѣдовъ ея. Пришли на поиски и алчныя европейцы. Нашли и отняли за безцѣнокъ коранъ Али; перерыли и вскопали священное кладбище Афросіаба, Веселовній и другіе, но завѣтъ Тимура и вѣрныя стражники его незримо хранятъ сокровищницу до тѣхъ поръ, пока съ лица земли исчезнетъ зло и невѣжество.

Но каждое полнолуніе подъ сводами великолѣпнаго мавзолея въ глухую полночь раздвигаются по сторонамъ тяжелыя надгробныя плиты, подымается изъ гроба великій завоеватель и создатель и медленно обходитъ онъ свое спящее царство.

Смотритъ онъ внимательно всюду, вглядывается пытливыми потухшими очами и вопрошаетъ онъ живыхъ и мертвыхъ, бодрствующихъ и спящихъ, не уничтожено-ли уже зло на землѣ, не торжествуетъ-ли полумѣсяцъ ислама во всемъ мѣрѣ, не наступило-ли уже царство любви и истины и не пора-ли возвратить обновленнымъ людямъ все сокровища библиотеки, погребенныя въ пещерѣ!

И всюду великій Тимуръ видитъ и слышитъ одинъ лишь печальный и роковой отвѣтъ — не исчезли еще съ земли зло и злоба, не торжествуютъ еще добро и истина и погружены еще все люди въ мракъ невѣжества и запустѣнія.

Гнѣвно вздымается грудь Тамерлана-Курагана, и въ ярости онъ бѣшено ударяетъ ногою объ землю и дрожитъ земля изъ конца въ конецъ его огромнаго царства.

Рушатся горы и города, разливаются рѣки и озера, погребаются и калѣчатся животныя и люди и въ страхъ подымается по всему краю вопль отчаянія и мольбы о прощеніи грѣховъ.

И тогда только вспоминаютъ люди о требованіяхъ добра и истины, вспоминаютъ и клянутся разстаться со зломъ и невѣжествомъ, и разстаются дѣйствительно въ полномъ раскаяніи до... до новаго полнолунія, новаго выхода Тимура и новаго землетрясенія.

Изгой.

„Онъ“ негодуетъ!

Великолѣпный вообще, «Ташкентскій Курьеръ» становится неподражаемымъ, когда начинается съ глубокомысліемъ разсуждать о мѣстныхъ вопросахъ.

Въ фельетонѣ у него тянется „калейдоскопъ“ туркестанскихъ впечатлѣній, прекрасно аттестованный предисловіемъ редакціи, но о немъ поговоримъ на досугѣ. Сегодня же постараемся оцѣнить по достоинству статейку послѣдняго №, въ которой критикуется перенесеніе Ташкентско-Аулиеатинскаго тракта между станціей Высокое и городомъ Аулиеата.

Знатоки во всехъ отрасляхъ жизни, курьерскіе борзописцы подвергаютъ жестокой критикѣ необдуманной шагъ администраціи безъ совѣта „штатныхъ“ и „заштатныхъ“ сподвижниковъ г. Кирснера, перенесшей трактъ только ради того, чтобы истратить 80.000 р. народныхъ денегъ.

Деньги вообще, а чужія въ особенности составляютъ предметъ нѣжныхъ заботъ г. Кирснера, и когда онъ не попадаютъ въ его карманъ, это его сильно злитъ и даже обижаетъ. Безсильный заполучить ихъ въ свое бездонное и вѣчно голодное чрево, онъ хотъ клеветою и ложью на другихъ отводитъ свою душу.

Такъ онъ сдѣлалъ и на этотъ разъ.

Шель себѣ трактъ по хорошему пути, и вдругъ подъ предлогомъ обхода ничтожнаго *Куюкского* ущелья болваны и расточители разныхъ чиновъ и ранговъ порѣшили перенести трактъ на другое мѣсто, истративъ на глупую антрепризу цѣлыхъ 80.000 руб.

Напрасно вы стали бы искать на картѣ *Куюкское* ущелье: такового не было и нѣтъ. Имѣется между упраздненными станціями Бурное и Куюкъ *Куюкское* ущелье, но и оно не было, какъ увѣряетъ „Ташк. Курьеръ“, единственною причиною перенесенія тракта.

Какъ извѣстно, аулиеатинскій трактъ, начиная отъ г. Чимкента, поднимается и на высотѣ сел. Высокое преодолеваетъ Чак-